

АЛИСА СОЛНЦЕВА

Развод на пенсии

*Пожар
моего сердца*

Алиса Солнцева

Развод на Пенсии: Пожар моего Сердца

<https://litres.ru/74535593>

Аннотация

- У моей жены на фоне возраста и стресса помутился рассудок! Вколите ей успокоительное! - громко, на весь эвакуационный пункт потребовал мой муж.

Я стояла перед ним с обожженными руками, перемазанная гарью. Только что я чудом спасла из лесного пожара наших внуков. А мой лощеный, идеальный супруг в этот момент заботливо кутал в плед свою молодую бухгалтершу. Он не прорывался к нам сквозь стену огня, как обещал по телефону. Он целенаправленно поехал спасать свою вторую семью.

Тридцать лет брака. Тридцать лет я была его удобной, невидимой тенью. Искусный манипулятор, он годами внушал мне, что я теряю память, накручиваю себя и схожу с ума. Он был уверен, что и сейчас я проглочу унижение, утрюсь и тихо уйду с одним чемоданом, оставив ему статус благодетеля и бизнес, который мы строили вместе.

Но он просчитался. Огонь сжигает иллюзии, а ледяная вода отрезвляет разум. Я не буду устраивать дешевых истерик и побегу к пластическому хирургу. Я начну свою жизнь заново - там,

где пахнет сырой землей и честным трудом. Я заберу то, что принадлежит мне по праву. И посмотрим, как быстро рухнет империя моего идеального мужа, когда из нее вырвут ту самую «невидимую» жену.

В тексте есть:

измена и двойная жизнь (жесткое столкновение с правдой без прикрас); героиня 50+, которая обретает стальной стержень и учится снова дышать; бывший муж - искусный манипулятор, чья ложь страшнее огня; настоящий, суровый мужчина, который доказывает всё поступками, а не красивыми словами; развод без розовых соплей (возрождение из пепла, честный труд и месть по фактам); Хэппи-энд (для тех, кто не боится испачкать руки, чтобы склеить свое счастье).

Содержание

Глава 1. Идеальный пепел	5
Глава 2. Фасад для дочери	16
Глава 3. Черная вода	26
Глава 4. Цена спасителя (Слава)	36
Глава 5. Ветер меняется	46
Глава 6. Послушная девочка	53
Глава 7. Эвакуация из ада	62
Глава 8. Сорванная маска	70
Глава 9. Идеальная ложь	78
Глава 10. Диагноз	88
Глава 11. Предательство крови	95
Глава 12. Осколки	105
Глава 13. Ключи и пепел	119
Глава 14. Звнящая тишина	129
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Глава 1. Идеальный пепел

Пепел от таежных пожаров проникал даже сквозь хвальные фильтры нашего немецкого кондиционера. Он ложился тончайшей, едва заметной серой пудрой на полированную поверхность антикварного комода, на корешки книг, на мои руки. Я провела влажной салфеткой по деревянной столешнице, собирая эту мертвую пыль, и горько усмехнулась. В Углекаменске можно поставить хоть три сверхсовременные системы очистки воздуха, отгородиться высоченным забором коттеджного поселка или тройными стеклопакетами элитной многоэтажки, но тайга и угольные разрезы все равно возьмут свое. Наш город дышал углем, жил углем и пах им же. А сейчас, в середине июля, к привычному шахтерскому духу примешался густой, въедливый запах тлеющих торфяников.

Стояла аномальная жара. Такая плотная и липкая, что казалось, ею можно подавиться, если сделать слишком глубокий вдох. Небо за окном уже несколько дней отливало болезненным желто-сизым оттенком. Вечерами солнце садилось в эту муть кровавым, размытым пятном, не принося городу никакой прохлады.

Пятничный вечер тек по давно заведенному, безупречному руслу. В гостиной приглушенно бормотал телевизор - шли местные новости, диктор монотонно отчитывался о ло-

кализации очагов возгорания в лесничестве. На кухне остывал вишневый пирог, приготовленный по любимому рецепту мужа. Я же стояла в нашей просторной, ярко освещенной гардеробной, окруженная запахом дорогой кожи и легким шлейфом нафталина, и методично проверяла карманы темно-синего костюма Вячеслава. Завтра утром нужно было отвезти его в химчистку.

В свои пятьдесят пять я не питала иллюзий насчет вечной романтики, бабочек в животе и внезапных сюрпризов в браке. Мы прожили вместе тридцать лет. За эти годы я изучила карманы его одежды лучше, чем собственные немногочисленные желания. В левом внутреннем обычно лежала визитная карточка из матовой бумаги, в правом - запасная перьевая ручка, которой он почти никогда не пользовался, но всегда носил для поддержания статуса. Идеальный порядок идеального мужчины. Мой муж, Вячеслав Светлов, владелец процветающего цеха "УглеБурСервис", был человеком, который контролировал абсолютно все: от качества буров на своем производстве до степени прожарки его утренних tostov.

Мои пальцы, загрубевшие за последние месяцы от ледяной воды на рыбной ферме "Черный Ключ", куда я устроилась работать просто для того, чтобы занять руки и голову, скользнули по гладкой шелковой подкладке. Контраст между моей огрубевшей кожей и дорогой тканью резанул по нервам. Там, в самом уголке потайного кармана пиджака, нашу-

палось что-то инородное. Жесткий, небрежно скомканный кусочек бумаги, нарушавший привычную симметрию.

Я вытащила его на свет. Обычный кассовый чек.

Разглаживая термобумагу ладонью, я шагнула из гардеробной в спальню, поближе к настенному бра, чтобы лучше видеть мелкий, выцветающий шрифт. Мой рациональный мозг бывшей чертежницы, привыкший всю молодость работать с ГОСТами, сложными схемами и миллиметровой точностью расчетов, моментально выхватил главные цифры и буквы.

Аптека "Здоровье" на улице Ленина. Дата: вчера, четверг. Время: 19:45.

Вчера в без четверти восемь Вячеслав, если верить его же собственным словам, сидел на тяжелом, изматывающем совещании с поставщиками оборудования из соседнего региона. Он звонил мне в половине седьмого, раздраженно жаловался на несговорчивых партнеров и просил не ждать его к ужину, сославшись на то, что они заказали еду прямо в переговорную.

Мой взгляд скользнул ниже, к списку покупок. Сумма была внушительной даже для нашего семейного бюджета, который давно не знал серьезных потрясений. Наименование товара: "Симбикорт", порошок для ингаляций дозированный. Гормональный препарат для астматиков. Крайне специфический и дорогой.

Никаких картинных охов, сползаний по стене по прави-

лам плохих сериалов или театральных слез не последовало. Я слишком стара для дешевых мелодрам, да и возраст дает о себе знать скорее ноющими к вечеру коленями и ломотой в пояснице, чем склонностью к красивым обморокам. Реакция моего тела была совершенно другой - дикой, животной и чисто физиологической.

Горло внезапно перехватило так сильно, словно весь кислород в нашей огромной квартире мгновенно выкачали, заменив его раскаленным песком с торфяников. Я сделала судорожный, сиплый вдох. В нашей семье ни у кого отродясь не было астмы. Вячеслав всегда бахвалился своим медвежьим здоровьем, каждое утро делал дыхательную гимнастику и откровенно презирал тех, кто "запускал" свой организм до хронических болезней. Я тоже не жаловалась на легкие, наша взрослая дочь Снежанна была абсолютно здорова, а оба внука носились по даче так, что за ними невозможно было угнаться.

Кому мой муж покупал специфическое рецептурное лекарство, пока "сидел на совещании"?

Ответ не формировался в голове четкой, законченной фразой. Он ворочался где-то в животе холодным, склизким комом предчувствия. Я вспомнила, как в последние месяцы Слава стал все чаще задерживаться на заводе. Как неумовимо изменились его привычки. Как он стал класть свой смартфон на стол экраном вниз - жест, который раньше был ему совершенно не свойственен, ведь мы никогда не прятали друг от

друга телефоны. Как от его безупречно белых рубашек иногда исходил едва уловимый, чужой аромат сладковатой, дешевой ванили, который он упорно пытался перебить своим тяжелым сандаловым парфюмом, заявляя, что это запах нового освежителя воздуха в приемной.

Дверь ванной комнаты в конце коридора тихо щелкнула. Раздались мягкие, уверенные шаги босых ног по паркету. Я не успела даже смять чек и спрятать его обратно в карман.

В спальню вошел Вячеслав. В этот удушливый, пропахший уличной гарью вечер от него веяло альпийской морозной свежестью, ментолом и дорогим гелем для душа. На нем были выглаженные льняные домашние брюки и легкая светлая рубашка. Никаких вытянутых на коленях треников или полинявших маек - мой муж даже в стенах спальни выглядел так, будто через минуту к нам ввалится фотограф из журнала об успешных людях. Его слегка тронутые благородной сединой волосы были аккуратно зачесаны назад, на подтянутом лице ни единого следа многочасовой усталости, на которую он так любил жаловаться.

Он подошел к массивному комоду и привычным, отточенным годами жестом начал заводить свои швейцарские часы - тяжелый механический хронограф, который он снимал только перед тем, как встать под воду. Тонкий, сухой звук вращающихся шестеренок разрезал звенящую тишину комнаты. Вжик-вжик. Вжик-вжик.

- Слава, - мой голос прозвучал ровно, почти по-деловому

глухо. Я сама удивилась, откуда взялось это ледяное спокойствие в эпицентре паники. Никаких истеричных ноток, просто констатация факта. - Я проверяла твои вещи перед химчисткой. Нашла вот это.

Я протянула руку с расправленным чеком, не сводя глаз с его лица.

- Кому ты покупал ингалятор вчера вечером?

Я ждала заминки. Вздоха удивления. Резкого раздражения от того, что жена без спроса копается в его карманах. Бегающего взгляда или неуклюжей попытки сменить тему. Хоть чего-то настоящего, уязвимого, человеческого, что выдало бы его с головой.

Но Слава не дрогнул. Ни один мускул на его ухоженном лице не дернулся. Он неспешно докрутил колесико часов, методично защелкнул браслет на левом запястье и только после этого плавно обернулся ко мне. В его карих глазах не было ни тени вины, испуга или растерянности. Наоборот, он скользнул взглядом по смятой бумажке в моих подрагивающих пальцах, затем перевел взгляд на мое напряженное, осунувшееся лицо, и в уголках его губ зародилась та самая, пугающе знакомая, мягкая и снисходительная улыбка. Улыбка доброго, бесконечно компетентного доктора, который вынужден слушать бессвязный бред своего любимого, но безнадежно больного пациента.

- Марисса, - он сделал шаг ко мне, обдав волной ментоловой свежести. Использовал мое домашнее, придуманное им

же прозвище. - Ну что ты такое говоришь? Какой допрос из-за куска мусора?

Он подошел вплотную и мягко взял меня за плечи. Этот жест, со стороны казавшийся бы верхом супружеской заботы и нежности, на самом деле был строго фиксирующим. Его сильные пальцы чуть сильнее нужного вдавились в мои ключицы, буквально пригвозждая меня к месту, не давая отстраниться. Мне вдруг стало невыносимо холодно.

- Ты же сама вчера утром звонила мне, - его бархатный, глубокий баритон обволакивал, гипнотизировал, заставляя вибрировать тяжелый воздух между нами. - Просила купить это лекарство для нашей консьержки, Антонины Петровны. Помнишь? У старушки началось страшное обострение астмы из-за этого проклятого дыма с горящих торфяников. Она чуть ли не задыхалась внизу, в холле. Я специально прервал совещание на пятнадцать минут и выскочил до дежурной аптеки на Ленина, чтобы ей помочь. Маша... - Он сделал идеальную, выверенную театральную паузу, слегка склонив голову набок. - Неужели ты совсем этого не помнишь? Ты еще стояла на балконе, поливала свой любимый фикус, и сказала мне в трубку, что у Антонины ингалятор пуст.

Пол под ногами слегка качнулся, словно мы стояли не в прочной железобетонной многоэтажке, построенной на века, а на палубе прогнившего корабля в шторм. Мой разум забуксовал, как колеса груженого пикапа в вязкой, раскисшей глине.

Консьержка. Антонина Петровна. Она действительно очень сильно кашляла позавчера, когда я спускалась вниз забрать свежую почту. Я кристально ясно помнила ее красное, покрытое испариной лицо, помнила, как она жаловалась на невыносимую духоту и отсутствие нормальной вентиляции в подъезде. Но звонила ли я Славе с этой просьбой? Просила ли купить столь дорогое лекарство постороннему человеку?

Я судорожно перебирала в памяти события вчерашнего утра. В молодости я помнила наизусть сотни ГОСТов и сложные формулы сопротивления материалов. На заводе, где мы со Славой познакомились, меня ценили за феноменальную, почти фотографическую память. Но за последние годы муж так часто, так искусно и с такой искренней заботой уличал меня в забывчивости, что я начала сама сомневаться в собственной адекватности.

Кадры вчерашнего дня мелькали перед мысленным взором, как в ускоренной, рваной перемотке. Я готовила сырники. Потом протирала пыль на полках. Потом вышла на балкон поливать цветы - фикус действительно слегка пожелтел от жары. Потом звонила Снежанне, чтобы обсудить предстоящую поездку внуков к нам на дачу. А Славе? Говорила ли я с мужем об ингаляторе, стоя с лейкой в руках? Деталь с цветами была такой точной, такой реалистичной, что она мгновенно встроилась в картину вчерашнего дня.

Моя уверенность в собственной правоте начала стремительно трещать по швам, осыпаясь сухой, старой штукатур-

кой.

- Я... не звонила, - произнесла я, но в моем голосе уже не было прежней жесткой, чертежной стали. Была лишь предательская, жалкая, дребезжащая неуверенность женщины, которая теряет почву под ногами. - Я бы точно запомнила название.

Вячеслав тяжело, мученически вздохнул. Он медленно убрал руки с моих плеч, аккуратно, двумя пальцами высвободил злополучный чек из моей сжатой ладони и не глядя бросил его в плетеную корзину для мусора, стоявшую в углу.

- Маша, меня начинают всерьез пугать эти твои провалы, - он посмотрел мне прямо в глаза. В его взгляде плескалась такая неподдельная, глубокая и светлая тревога, что мне захотелось физически сжаться в комок, спрятаться. - Ты опять пропустила утренние таблетки от давления? Мы же говорили об этом только на прошлой неделе. Сосуды головного мозга - это не шутки. Возраст берет свое, дорогая, тебе уже давно не тридцать. Гормональные перестройки, климакс - все это напрямую влияет на память и когнитивные функции. Тебе нужно обязательно показаться хорошему неврологу, я сам оплачу прием в платной клинике. Ты постоянно придумываешь проблемы на пустом месте, накручиваешь себя из-за ерунды, а потом у тебя по ночам тахикардия и бессонница.

Его слова проникали под кожу легко и безболезненно, как тонкие, хирургические иглы, впрыскивающие яд сомнения. "Ты путаешь детали, дорогая", "Марисса, этого разговора не

было, ты снова что-то придумала", "Тебе просто показалось на фоне стресса и усталости". Он повторял эти фразы с разной периодичностью годами. И каждый раз я в итоге сдавалась. Отступала. Потому что его версия реальности всегда была логичнее, стройнее, благороднее моей. Он - успешный, собранный, великодушный бизнесмен, решающий проблемы подчиненных и даже консьержек. А я - стареющая, сидящая дома, увядающая жена, которая устроила нелепую сцену ревности из-за выброшенного бумажного чека.

Едкое, липкое чувство вины мгновенно затопило меня, смывая остатки здравого смысла и острых, интуитивных подозрений.

- Извини, - пробормотала я, поспешно отводя глаза в сторону. Мне стало физически стыдно за свои мысли. За то, что посмела копаться в его вещах с тайным умыслом найти изъян. - Наверное, я действительно забыла про этот разговор. Из-за этой невыносимой жары голова совсем не работает, словно ватой набита. Давление и правда скачет.

- Вот видишь, - голос Славы снова стал мягким, теплым и обволакивающим. Он потянулся ко мне и снисходительно, как маленькую девочку, поцеловал в макушку. Этот жест обжег меня унижением, скрытым под маской опеки, но я заставила себя выдавить жалкую, виноватую улыбку. - Все хорошо. Мы во всем разобрались. Просто отдохни. Выпей чаю с мятой, полежи. А я пойду поработаю в кабинете, мне нужно до полуночи просмотреть пару сложных смет для проходчи-

ков.

Он отвернулся и вышел из спальни спокойной, уверенной походкой абсолютного хозяина жизни.

Я осталась одна посреди залитой светом комнаты. За плотно закрытым окном, пробиваясь сквозь монотонное гудение кондиционера, с новой силой завывала далекая сирена - где-то за рекой ветер снова раздул огонь на торфяниках. Я медленно опустила взгляд на свои руки. На коротко остриженные, без грамма лака ногти, на проступившую синеватую сеточку вен, на гладкое золотое обручальное кольцо, которое за долгие годы уже слегка врезалось в безымянный палец, став частью тела.

Из-за закрытой двери соседнего кабинета доносилось едва уловимое, методичное тиканье его запасных коллекционных часов, оставленных на рабочем столе. Тик-так. Тик-так.

Я стояла в своей красивой, безупречно чистой, безопасной квартире, смотрела на собственное отражение в зеркале шкафа-купе и с ледяным, сковывающим внутренности ужасом понимала самую страшную вещь на свете. Я не верю ему. Его слова были идеальной фальшивкой. Но, что было во сто крат хуже - я больше не верю собственному разуму. Моя идеальная, выверенная жизнь на самом деле была плотно запертой, невидимой клеткой, в которой я сама, добровольно, отдала мужу ключи от своей реальности. И прямо сейчас я задыхалась в ней сильнее, чем человек с самым тяжелым приступом.

Глава 2. Фасад для дочери

- Мам, ну почему у тебя опять такое лицо, словно мы на поминки приехали, а не на выходные отдыхать? - голос Снежанны прозвучал с той характерной раздраженно-снисходительной интонацией, от которой у меня мгновенно свело скулы.

Я не стала оборачиваться. Мой тяжелый, идеально наточенный японский шеф-нож с тихим, влажным хрустом рассекал тугую мякоть грунтовых помидоров. Кухня нашей загородной дачи была залита душным, желтоватым светом. За окном стояла такая липкая жара, что, казалось, даже воздух плавится над раскаленной брусчаткой двора. Привычный запах прогретой сосновой смолы намертво перебивался едким, назойливым духом тлеющих торфяников. Я смахнула каплю пота со лба тыльной стороной запястья. На мне были удобные льняные шорты песочного цвета и свободная хлопковая рубашка, но даже эта невесомая ткань сейчас казалась тяжелой броней, мешающей нормально дышать.

Я уехала из пыльной городской квартиры сегодня рано утром, сразу после бессонной ночи. Мне хотелось успеть открыть дачный дом, проветрить комнаты и загрузить холодильник до того, как приедут дети. Сбежать в работу руками всегда было моим главным спасением.

- У меня обычное лицо, Снежа, - спокойно ответила я,

смахивая нарезанные овощи в объемную керамическую миску. - Просто я устала. И от этой жары раскалывается голова.

Дочь шумно, театрально вздохнула. Она стояла у раскрытого настежь огромного двухдверного холодильника, явно наслаждаясь потоком ледяного воздуха. Полки перед ней ломились от еды: на нижней ждала своего часа трехкилограммовая фермерская свиная шея, которую я еще с утра замариновала в луке и специях, выше ровными рядами стояли контейнеры с домашним сулугуни, свежая зелень, бутылки с минеральной водой и охлажденный домашний лимонад. В нашем доме никогда не было пустых кастрюль или унылых полуфабрикатов. Я всегда была хорошей хозяйкой. Возможно, слишком хорошей. Настолько безупречной и бесперебойной функцией быта, что меня просто перестали замечать, воспринимая мой труд как базовую опцию.

- Папа ради нас жилы рвет на заводе, в субботу туда поехал, чтобы мы могли вот так собираться на природе, - Снежанна достала бутылку воды и хлопнула дверцу, отрезая спасительный холод. - А ты вечно всем недовольна. Знаешь, мам, я читала статью одного психолога... Тебе реально надо сходить к хорошему эндокринологу. Это гормоны. Климакс и возрастные изменения очень сильно бьют по психике, у женщин начинается паранойя на пустом месте. Посмотри на папу - он же золотой, всё в дом несет, всех нас обеспечивает, а ты его только пилишь и смотришь волком.

Я замерла, опершись ладонями о прохладный искус-

ственный камень столешницы. Слова дочери не причинили острой боли, они скорее отозвались глухой, тупой тяжестью где-то под ребрами. Снежанна транслировала мысли отца с пугающей, почти магнитофонной точностью. Слава выстраивал этот фасад годами, кирпичик к кирпичику. Он - вечный праздник, неутомимый добытчик, великодушный и мудрый глава семьи. А я - стареющая, вечно уставшая и ничем не довольная женщина, чьи подозрения и тревоги нужно списывать исключительно на шалящие гормоны. Он дрессировал нашу дочь так же незаметно и методично, как дрессировал меня. И теперь она была его лучшим адвокатом.

- Иди проверь Кирилла, - ровным голосом сказала я, не вступая в заведомо проигрышный спор. - Он подозрительно затих на втором этаже. Как бы не добрался до дедовской коллекции инструментов в кладовой.

Во дворе приглушенно хрустнул гравий. Я выглянула в окно. Черный, вымытый до зеркального блеска внедорожник мужа плавно вкатился на парковочное место. Слава приехал с завода, где, по его словам, должен был в одиночестве разгребать субботние завалы со сметах поставщиков.

Он выбрался из машины, и я в очередной раз поймала себя на мысли, что мой муж выглядит отвратительно молодо для своих пятидесяти восьми. Подтянутый, энергичный, ни грамма лишнего веса. Он окинул взглядом двор, увидел выбежавшего навстречу Кирилла, подхватил десятилетнего внука на руки с легкостью, которой позавидовали бы многие

тридцатилетние, и громко, раскатисто рассмеялся. Картинка из глянцевого журнала. Идеальный дедушка на идеальной даче.

Через десять минут Слава вошел на кухню. Он уже успел принять душ в ванной на первом этаже и переодеться в свежее, безупречно выглаженное темно-синее поло и светлые брюки. От него пахло морозной свежестью, дорогим мужским гелем и легким шлейфом сандала. Никакой усталости на лице, никакой бытовой беспомощности, свойственной стареющим мужьям, которые не знают, где лежат их собственные чистые полотенца. Мой муж контролировал свое пространство от и до.

- Девочки мои, чем помочь? - он по-хозяйски поцеловал Снежанну в щеку, а затем подошел ко мне. Его рука легла мне на талию. Жест, который со стороны выглядел воплощением супружеской нежности, но на самом деле был тяжелым, собственническим захватом.

- Марисса, ну куда ты встала у плиты в такую духовку? - его глубокий баритон вибрировал заботой, но карие глаза оставались холодными и цепкими. - Иди посиди в тенечке на веранде. У тебя сосуды, давление. Тебе вредно перенапрягаться, ты же еще вчера совсем без сил была. Я сам разожгу гриль и дожарю мясо. Давай, дорогая, марш отдыхать.

Снежанна умиленно вздохнула, глядя на эту сцену. А я смотрела на руки мужа, ловко забирающие у меня длинные кулинарные щипцы, и чувствовала, как внутри разрастается

холодный, исследовательский интерес. Мой мозг чертежницы, привыкший всю жизнь искать скрытые изъяны в сложных механизмах, вдруг перестал паниковать и включился на полную мощность. Я отошла в сторону, уступая ему место у гарнитура, и молча кивнула.

Слава подошел к широкому подоконнику, достал из кармана брюк свой смартфон и положил его на пластик. Экраном вниз.

Это было микроскопическое движение, которое не заметил бы никто, кроме женщины, прожившей с ним три десятка лет в одной постели. Слава всегда был человеком открытым напоказ. Он всегда клал телефон экраном вверх, часто просил меня ответить на звонок, если у него были скользкие или занятые руки, никогда не прятал переписки с партнерами. А теперь этот черный, глянцевый прямоугольник лежал лицом вниз, словно хранил в себе государственную тайну.

Обед на просторной террасе проходил под аккомпанемент шипящего на газовом гриле мяса и неугомонной болтовни Снежанны о затянувшемся ремонте в их городской квартире. Я ела мало. Кусок идеального свиного стейка, приготовленного Славой, казался на вкус как прессованный картон. Жара не спадала, желтая дымка над лесом становилась всё плотнее, оседая на языке горьковатым привкусом гари.

Кирилл, быстро расправившись со своей порцией, начал ерзать на плетеном стуле. Ему было откровенно скучно слушать разговоры взрослых.

- Дед, а можно я в ту гонку поиграю? На твоём телефоне? У тебя там тачка прокачанная! - мальчишка, не дожидаясь ответа, потянулся через стол к аппарату Славы. Раньше муж всегда со смехом отдавал внуку смартфон, поощряя его интерес к современным гаджетам.

Но не сегодня.

Реакция Славы была молниеносной. Его рука метнулась над столом, перехватывая запястье Кирилла с такой силой, что мальчик ойкнул от неожиданности. Это длилось долю секунды. Слава тут же смягчил хватку, расплылся в своей фирменной, обезоруживающей улыбке и мягко потянул телефон к себе, подальше от детских рук.

- Не сегодня, герой, - бархатно произнес он. - Там важные рабочие сметы открыты, чертежи от проектировщиков висят. Нажмешь не туда, удалишь - и дедушке придется выплачивать неустойку размером с настоящий гоночный болид. Беги-ка лучше на качели.

Кирилл насупился, потер запястье, но спорить не стал, послушно спрыгнув со стула. Слава нажал на боковую кнопку блокировки, чтобы погасить экран, и в это мгновение я, сидящая по правую руку от него, успела бросить мимолетный взгляд на дисплей. На ярком фоне вместо привычного рабочего стола с иконками высветилась строгая панель ввода пароля. Шесть пустых кружочков, ожидающих цифрового кода.

Мой муж поставил шестизначный пароль на телефон.

Мой идеальный, кристально честный муж, которому отродясь "нечего было скрывать от своей семьи".

- Передай соус, Маша, - попросил Слава, возвращаясь к еде, словно ничего не произошло.

Я взяла тяжелый стеклянный соусник и протянула ему. Слава наклонился ко мне через стол. Дистанция между нами сократилась до минимума. И в этот момент, сквозь густой запах жареного мяса, дыма от торфяников и его терпкого сандалового парфюма, мой нос уловил чужеродную ноту. Она отчетливо исходила от воротника его свежего поло.

Тот самый запах ванили, который я уже замечала раньше на его рубашках. Дешевой, приторно-сладкой, кондитерской ванили. Слава тогда раздраженно отмахнулся и сказал, что это новый дурацкий освежитель воздуха в офисной приемной. Но сегодня была суббота. Он клялся, что провел утро на заводе абсолютно один, за закрытыми дверями кабинета, копаясь в скучных бумагах.

Откуда тогда этот свежий, въедливый, почти липкий шлейф дешевых женских духов на воротнике его чистого поло, которое он передел всего двадцать минут назад?

Мое тело отреагировало быстрее, чем разум успел выстроить окончательную логическую цепочку. Горло внезапно сжал жесткий спазм. Мне показалось, что кислород на веранде мгновенно выгорел дотла. Я сделала судорожный вдох, но легкие наполнились лишь горячим воздухом с привкусом лжи. Перед глазами на секунду поплыли темные, размытые

круги.

- Мам, ты чего побледнела? - голос Снежанны прорвался сквозь нарастающий гул в ушах.

- Жара, - сипло выдавила я, отодвигая стул и с трудом поднимаясь на ноги. Пальцы предательски дрожали. - Пойду умоюсь ледяной водой. Давление и правда скачет.

- Я же говорил, - снисходительно и ласково констатировал Слава, методично отрезая кусок стейка. - Возраст, Марисса. Нужно беречь себя. Ты стала слишком мнительной.

Остаток дня слился для меня в тягучее, полубессознательное ожидание спасительной ночи. Я механически мыла посуду, машинально отвечала на вопросы внуков, кивала дочери, а в голове крутилась, скрипя несмазанными шестеренками, одна-единственная мысль. Пароль. Запах дешевой ванили на чистой одежде после "пустого" завода. Вчерашний ингалятор от астмы для мифической консьержки. Слава не просто оступился. Он планомерно, с комфортом и ледяной уверенностью жил двойной жизнью, параллельно выставляя меня выживающей из ума истеричкой, чтобы обезопасить свои тылы.

Глубоким вечером, когда жара немного отступила, а дети утихли на втором этаже, Слава зашел в нашу спальню. Он взял из шкафа свою легкую шелковую пижаму и повернулся ко мне с дежурным, мастерски сыгранным сочувствующим вздохом.

- Маша, я сегодня лягу в гостевой комнате на первом эта-

же, - тихо сказал он, подходя и невесомо целуя меня в макушку. От него снова пахло только морозным гелем для душа, он тщательно смыл с себя все следы этого долгого дня. - У тебя был тяжелый день, ты отвратительно выглядишь. А я от этой проклятой духоты могу начать храпеть под утро. Не хочу тревожить твою чуткую нервную систему. Тебе нужно выспаться в тишине.

- Спокойной ночи, Слава, - ответила я, глядя прямо перед собой в стену.

Когда дверь за ним плотно закрылась, я не стала ложиться в пустую, слишком широкую для одного человека постель. Я спустилась вниз по темной деревянной лестнице, стараясь не скрипеть ступенями, миновала закрытую дверь гостевой спальни и вышла на заднее крыльцо дачи.

Вокруг стояла крошечная темнота. Углекаменск и весь дачный поселок задыхались в дыму. Я оперлась руками о теплые деревянные перила веранды и посмотрела в сторону тайги. Звонящую тишину леса нарушил отдаленный, низкий гул, похожий на дыхание гигантского, просыпающегося зверя. Внезапно верхушки черных сосен тревожно закачались. Ветер, весь день лениво дувший со стороны города, резко поменял направление.

Он ударил мне в лицо жаром, словно кто-то невидимый распахнул дверцу раскаленной доменной печи. Небо на горизонте перестало быть просто мутным - оно приобрело зловещий багрово-черный оттенок. Прямо на мою руку, крепко

сжимающую перила, опустилось что-то невесомое.

Я поднесла ладонь ближе к глазам. Это был крупный, жирный хлоп серого пепла. Я растерла его между большим и указательным пальцами, ощущая на коже шершавую, грязную сажу.

Тайга начинала гореть по-настоящему. Огонь подбирался всё ближе, готовясь уничтожить старые, высохшие деревья. Завтра рано утром, пока Слава и Снежанна еще будут спать, я сяду в машину и уеду на "Чёрный Ключ". Мне жизненно необходимо было оказаться рядом с ледяной водой карьера, чтобы окончательно смыть с себя этот липкий пепел лжи и вспомнить, кто я такая на самом деле. Потому что дышать в этом идеальном, выстроенном мужем доме мне было больше нечем.

Глава 3. Черная вода

Человеческий мозг - удивительно трусливая и изворотливая штука. Он готов выстроить любую, самую абсурдную логическую цепочку, проигнорировать законы физики и здравый смысл, лишь бы не признавать очевидного. Лишь бы не выходить из теплой, привычной зоны комфорта в холодную реальность.

Я думала об этом, крутя руль своего старенького кроссовера. Шины мерно шуршали по ухабистой лесной грунтовке, уводящей меня прочь от дачного поселка. На часах на приборной панели светились зеленые цифры: 06:45. Утро воскресенья.

Ночной шквал ветра, принесший на мою веранду первый горячий пепел, к рассвету стих, оставив после себя лишь густую, неподвижную дымку и обманчивое затишье. Я убедилась, что опасность отступила или тлеет где-то достаточно далеко. Я уехала с дачи тихо, как вор, стараясь не скрипеть половицами. Слава, Снежанна и оба внука еще спали, утомленные вчерашней духотой.

И самое смешное, самое жалкое в моем побеге заключалось в том, что перед уходом инстинкт "удобной жены" сработал безупречно, на автопилоте. Мой мир методично рушился, я задыхалась от подозрений, но мои руки сами отмерили молоко и крупу. Я оставила на плите полную кастрюлю

лю теплой каши, укутав ее полотенцем, а в холодильнике, на средней полке - аккуратно нарезанный фермерский сыр и колбасу, затянутые пищевой пленкой. Чтобы мой идеальный муж и взрослая дочь не испытали ни секунды бытового дискомфорта, проснувшись без прислуги.

Я криво усмехнулась, глядя в лобовое стекло. Тридцать лет дрессировки не проходят даром.

По мере того как машина спускалась в низину, к старому затопленному каменному карьеру, окружающий мир менялся. Желто-сизая, липкая мгла Углекаменска оставалась где-то наверху. Температура за бортом начала стремительно падать. Я опустила стекло. В салон ворвался резкий, отрезвляющий поток воздуха. Он пах сырым гранитом, мокрой хвоей и специфическим, терпким ароматом рыбьего корма. Я сделала глубокий вдох, заполняя легкие до отказа, и почувствовала, как спадает железный обруч, сжимавший грудную клетку со вчерашнего вечера.

Ферма "Чёрный Ключ" встретила меня тихим плеском воды о деревянные сваи мостков. Я припарковала машину у административной бытовки - длинного серого вагончика, обшитого сайдингом. Выключила зажигание. В зеркале заднего вида отразилось лицо женщины со стиснутыми челюстями и залегшими под глазами тенями. Собираясь в темноте, я просто натянула со стула те же песочные льняные шорты и хлопковую рубашку, в которых вчера резала овощи на идеальной дачной кухне. Одежда всё еще пахла дымом торфя-

ников и легким шлейфом дорогого сандала моего мужа.

Я вышла из машины, поднялась по деревянным ступенькам вагончика и толкнула тугую дверь. Внутри пахло сыростью и дешевым растворимым кофе. В углу, за ширмой, стоял мой личный шкафчик. Я стянула с себя городскую одежду, аккуратно повесив ее на плечики, словно оставляя прежнюю жизнь на вешалке. Надела плотные, застиранные до состояния брони рыбацкие штаны, поверх них - серую флисовую толстовку, которая была мне велика на два размера, и влезла ногами в тяжелые резиновые сапоги. Сверху накинула жесткий прорезиненный фартук. Никакой эстетики. Никакой элегантности. Только чистая функциональность, готовая к грязи.

Деревянный настил пирса гулко пружинил под моими сапогами. Вода в карьере была абсолютно черной, непроницаемой, поглощающей любой свет. Она казалась мертвой, пока на поверхности вдруг не блеснула тяжелая серебристая спина ленского осетра, уходящего на глубину.

На дальнем конце садков работали двое. Старый зэк Броня, сухой и жилистый, как перекрученный корень, стоял на коленях и виртуозно, в несколько этажей, материл запутавшуюся капроновую сеть. Его сигарета прилипла к нижней губе, пепел падал прямо на мокрые доски.

Рядом с ним был Тарас. Хозяин фермы.

Я остановилась на мгновение, наблюдая за ним. Тарас не производил впечатления глянцевого спасителя или успеш-

ного бизнесмена с обложки. Он был в старой штормовке, крупный, широкоплечий, с глубокими, резкими морщинами на лице, словно высеченными зубилом. Он тянул тяжелый мокрый трос, чуть приволакивая левую ногу - наследие шахтерского обвала. Но в его движениях была такая скупая, математическая точность, такая абсолютная уверенность в своей силе, что этот физический изъясн казался не слабостью, а доказательством того, что этот человек способен выжить под тоннами рухнувшей породы. Контраст между ним и моим мужем был разительным. Слава заполнял собой пространство, требуя внимания к каждому своему жесту, к каждому забитому гвоздю. Тарас просто делал работу, сливаясь с ней.

Заметив меня, Тарас не стал произносить приветственных речей или спрашивать, почему я приехала в воскресенье в такую рань. Он просто отпустил трос, вытер мокрые руки о штаны и кивнул на лежащий рядом багор с длинной ручкой.

- Опаздываешь, Михалычна, - его голос прозвучал глухо, перекрывая плеск воды. - Второй садок сам себя от ила не почистит. Берись.

- Пробки на лесных тропах, Левашов, - в тон ему отозвалась я, поднимая тяжелое деревянное древко багра.

Началась выматывающая, монотонная работа. Нам нужно было поднять из ледяной воды часть заградительной сетки, которая обросла тиной и водорослями из-за упавшего уровня воды в карьере. Я вогнула металлический крюк багра в ячейку сети и потянула на себя.

Вода здесь всегда была ледяной из-за подземных ключей, но сейчас она обжигала холодом даже через плотные про-резиненные перчатки. Мышцы спины и плеч мгновенно налились свинцом. Грязная пена и брызги летели мне в лицо, оседая на губах горьковатым привкусом ила и рыбьей слизи. Мы тянули сеть метр за метром, Броня скреб ее жесткими металлическими щетками, а я удерживала тяжесть багром, упираясь сапогами в скользкие доски.

Тело протестовало, суставы ныли, но эта осязаемая, грубая физическая боль парадоксальным образом стала моим главным антидотом. Она работала как дефибриллятор для остановившегося разума. Здесь, стоя по колено в ледяной грязи, я перестала чувствовать себя сумасшедшей истеричкой с шалящими гормонами, какой меня так старательно рисовал муж.

Мой мозг бывшей чертежницы, привыкший работать с ГОСТами и строгими схемами, вдруг стряхнул с себя многолетнюю пыль сомнений. Идеально выверенный механизм лжи Вячеслава перестал казаться мне монолитом. Я начала видеть его изъяны.

Я мысленно раскладывала факты на невидимом чертежном столе. Деталь первая: внезапный шестизначный пароль на телефоне. Телефон экраном вниз - классический жест человека, которому есть что скрывать от случайного взгляда жены. Деталь вторая: свежий, въедливый запах дешевой кондитерской ванили на воротнике чистого поло. Этот запах по-

явился после того, как он якобы провел утро субботы в полном одиночестве запершись в кабинете "пустого" завода, копаясь в сметах. Деталь третья: ингалятор. Дорогой, гормональный препарат для астматиков. Попытка Славы убедить меня, что я сама просила его купить это для консьержки, была высшим пилотажем манипуляции. Он ударил в мою самую уязвимую точку - в мой страх перед надвигающимся возрастом и потерей контроля над памятью.

Уравнение сошлось. Слава жил двойной жизнью. И, что было гораздо страшнее самой измены - он планомерно, методично и жестоко разрушал мою адекватность, стирал мою личность, превращая меня в сомневающуюся, пугливую дурру, только для того, чтобы защитить свой комфорт и свою непогрешимую репутацию.

Боль в натертых пальцах, крепко сжимающих древко багра, казалась мне сейчас в тысячу раз честнее, чем снисходительные поцелуи мужа в макушку.

К полудню мы закончили чистку секции. Я тяжело выдохнула, стянула мокрые перчатки и вытерла вспотевший лоб тыльной стороной предплечья. Руки мелко дрожали от перенапряжения.

- Перекур, - хрипло скомандовал Броня, выуживая из кармана влажную пачку сигарет.

Мы отошли к краю пирса, где стояли деревянные ящики из-под корма. Тарас молча достал из-под навеса старый, помятый металлический термос и пластиковые кружки. Ника-

кого изысканного кофе с кардамоном или эклеров. Только черный, заваренный до состояния дегтя чай, от которого шел густой пар. Он плеснул жидкость в кружку и протянул мне.

Я взяла горячий пластик обеими руками, чувствуя, как тепло медленно возвращается в онемевшие пальцы.

Броня, чиркнув зажигалкой, сделал шаг назад, уступая нам место на ящиках, и неуклюже развернулся. Его тяжелый резиновый сапог зацепил стоявшее на краю пирса большое оцинкованное ведро с металлическими инструментами - гаечными ключами, запасными карабинами и кусками цепей.

Ведро с резким, оглушительным лязгом рухнуло на деревянные доски. Металл со скрежетом ударился о металл, разрывая тишину над карьером.

Моя реакция была молниеносной и совершенно неконтролируемой. Я не просто вздрогнула от неожиданности. Мое тело сработало на опережение. Я резко вжала голову в плечи, инстинктивно подалась назад, сжавшись в комок, а моя правая рука дернулась вверх, словно закрывая лицо от невидимого, неминуемого удара. Горячий чай выплеснулся на рукав толстовки, кружка выскользнула из ослабевших пальцев.

Я ждала боли. Ждала крика. Ждала унижения.

Чья-то жесткая рука перехватила кружку в сантиметре от досок настила.

Я судорожно выдохнула, открыла глаза и медленно опустила руку от лица. Сердце колотилось в горле так, что пе-

рехватывало дыхание.

- Твою ж дивизию, извиняй, Михалычна! - крикнул Броня, подхватывая ведро и собирая рассыпавшиеся ключи. - Нога поехала на слизи, мать ее ети.

Старик, бормоча проклятия, уковылял с ведром к бытовке. Мы остались на пирсе вдвоем.

Тарас стоял передо мной, держа мою спасенную кружку. Он не пытался меня обнять, не причитал и не спрашивал, всё ли со мной в порядке. Его взгляд, тяжелый, пронизательный, спрятанный под густыми бровями, был прикован к моему лицу. В его глазах не было жалости - того липкого, унижительного чувства, которым меня всегда щедро поливал муж. В них было холодное, рентгеновское понимание сути вещей.

- Горячо? - коротко спросил он, кивнув на темное пятно от чая на моей толстовке.

- Нет, - мой голос предательски дрогнул. Я попыталась расправить плечи, стереть с лица выражение загнанной жертвы. - Просто звук резкий. Нервы ни к черту. Наверное, не выпалась.

Я сама не заметила, как использовала словарь Славы. Оправдания. Ссылки на нервы. Попытка сгладить ситуацию.

Тарас поставил кружку на ящик. Он вытащил из кармана штормовки чистую хлопковую тряпку и бросил ее мне.

- Ты дергаешься от каждого шороха, Михалычна, - произнес он ровно, без интонаций. Его слова падали тяжело, как камни в воду. - Ты вздрагиваешь так, словно ожидаешь, что

сейчас прилетит по затылку.

- Никто меня не бьет, - резко ответила я, чувствуя, как щеки заливаает краска стыда. Я отвернулась, яростно вытирая пятно на рукаве. - Слава пальцем меня никогда не тронул. Он идеальный муж. Мы вообще не повышаем голос в доме.

- Я знаю, что не бьют руками, - Тарас подошел на шаг ближе. Запах мокрого брезента и табака смешался с запахом ледяной воды. - Руками бить - это для идиотов. Это оставляет синяки, которые можно показать ментам. Тебя ломают по-другому. Выкручивают мозги, пока ты сама не согласишься, что во всем виновата. Ты живешь, как собака, которую годами держат на строгаче. Чуть дернешься не в ту сторону - шипы впиваются в горло.

Я замерла. Тряпка выпала из моих рук. Я хотела возмутиться, осадить его, сказать, что он не имеет права лезть в мою семью. Но слова застряли в пересохшем горле. Потому что он был абсолютно, дьявольски прав.

- И самое страшное во всем этом, Маша, - Тарас впервые назвал меня полным именем, а не своим привычным полуплутивым отчеством, - это то, что ты сама держишь этот поводок. Ты отдала ему конец строгача и еще благодаришь, когда он тянет не слишком сильно.

Он не стал ждать моего ответа. Развернулся, тяжело ступая на больную ногу, и пошел к дальним садкам, оставив меня одну на мокром деревянном пирсе.

Я стояла, глядя в абсолютно черную, неподвижную воду

"Чёрного Ключа". Впервые за долгое время я не пыталась найти оправдание своему мужу. Слова Тараса не вызвали слез. Они сработали как скальпель хирурга, вскрывающий старый, гноящийся нарыв без наркоза. Это было больно до темноты в глазах, но вместе с гноем выходила годами копившаяся отравка.

Я не сумасшедшая. Со мной действительно делают что-то страшное.

Я глубоко вдохнула ледяной воздух. Внутри меня, где-то под ребрами, на месте привычной, ноющей тревоги начало зарождаться совершенно новое чувство. Холодная, спокойная, кристально чистая злость. Я больше никогда не буду извиняться за то, что верю своим глазам. И я больше не буду вздрагивать от падающих ведер.

Я подняла глаза к небу. Ветер, который всё утро гулял над карьером, сгоняя рябь по воде, внезапно, словно по щелчку невидимого выключателя, стих. Воздух вокруг стал неестественно плотным, тяжелым, стоячим. Желтая мгла, висевшая над верхушками тайги, начала наливаться багровым оттенком.

Природа замерла, готовясь к катастрофе. Огненный шторм, который сожжет мою прошлую жизнь дотла, был уже близко.

Глава 4. Цена спасителя (Слава)

от лица Славы

Благотворительность всегда требует строгой бухгалтерской отчетности. Даже если ты занимаешься исключительно спасением человеческих душ.

Я сидел в плетеном шезлонге на просторной веранде нашей дачи и методично, в несколько коротких касаний экрана, стирал историю переписки в секретном мессенджере. Палец замер на последнем голосовом сообщении от Аллы. Я поднес динамик телефона поближе к уху, откинувшись на спинку кресла и прикрыв глаза, чтобы лучше насладиться интонацией.

- Славочка, - ее голос дрожал от искренней, неподдельной благодарности, от этой сладкой, тягучей женской слабости, которая заставляет мужчину чувствовать себя всемогущим. - Спасибо тебе огромное. Яну стало намного лучше, этот ингалятор просто чудо, приступ удушья прошел. Ты наш спаситель. Я не знаю, что бы мы без тебя делали в этом дыму. Ждем тебя сегодня, как договаривались. Я приготовила твой любимый вишневый пирог.

Я стер сообщение, очистил корзину и заблокировал смартфон новым шестизначным паролем. На губах сама собой появилась легкая, снисходительная улыбка. Мой утренний двойной эспрессо, который я лично сварил в дорогой

итальянской кофемашине десять минут назад, горчил ровно настолько, насколько нужно. Воздух вокруг был тяжелым, душливым, пропитанным едким запахом горящих торфяников, но здесь, в глубокой тени навеса, я чувствовал себя абсолютно комфортно.

Марисса уехала еще до рассвета. Сбежала на свою вонючую рыбную ферму, тихо выскользнув из дома, видимо, думая, что ее отсутствие станет для меня невыносимым бытовым наказанием. Женская наивность порой просто поражает своей предсказуемостью. Проснувшись в гостевой спальне, я принял контрастный душ, воспользовался любимым лосьоном после бритья и спустился на кухню. Там меня ждала аккуратно укутанная в полотенце каша, а в холодильнике, на средней полке - идеально ровная нарезка фермерского сыра под пищевой пленкой.

Моя жена могла сколько угодно дуться из-за случайно найденного чека из аптеки. Могла изображать оскорбленную гордость, строить из себя следователя и буравить меня подозрительным взглядом. Но ее многолетняя, выверенная мною дрессировка была безупречной. Она все равно обеспечивала мой комфорт на уровне подкорки.

Я сделал глоток кофе, глядя на желтую, больную дымку, плотно висящую над верхушками старых сосен за высоким забором. Тридцать лет брака. Маша была хорошим, надежным, добротным механизмом. Как старый немецкий токарный станок на моем заводе. Да, со временем шестеренки на-

чали ощутимо скрипеть, краска облупилась, иногда система выдавала системную ошибку - как позавчера, когда она вздумала копаться в моих карманах. Но я купировал этот сбой за пять минут разговора, ловко переведя стрелки на ее возрастную забывчивость. Станок продолжал работать, создавая идеальный, непробиваемый фасад успешной, уважаемой семьи. Я не собирался его выбрасывать на свалку. Я просто нашел себе дополнительный, более свежий источник энергии.

Алла была мягкой податливой глиной. Оазисом абсолютного, слепого обожания. В свои тридцать пять она смотрела на меня снизу вверх, зависимая, преданная, благодарная за каждую перечисленную тысячу и каждую минуту моего драгоценного времени. Ей, как матери-одиночке с проблемным ребенком, нужен был крепкий, бетонный тыл. А мне - место, где я могу снять тяжелые социальные доспехи и побыть настоящим, неоспоримым богом. Я обеспечивал жену, вливал миллионы в ремонт квартиры дочери, тянул на себе бизнес, давал рабочие места сотням людей в этом пыльном шахтерском городишке. Разве я не заслужил законное право на личный, тихий комфорт в чистой квартире с молодой любовницей?

Моя совесть была кристально чиста, как стекло на циферблате моих коллекционных часов. Я никого не предавал. Я просто грамотно, как опытный инвестор, диверсифицировал свои эмоциональные активы.

Резкий, рваный хруст гравия прервал мои размышления. В открытые ворота двора тяжело вкатился старенький кроссовер Маши. Я отметил про себя, что она водит все так же дергано.

Я поставил кофейную чашку на стеклянный столик, одернул безупречно чистую льняную рубашку и неспешно поднялся на ноги. Маша выбралась из машины. На ней были все те же светлые песочные шорты и хлопковая блузка, в которых она готовила ужин вчера вечером, но сейчас ткань казалась неряшливо помятой, покрытой мелкими серыми пятнами. От жены даже на расстоянии десяти шагов ощутимо, тяжело тянуло затхлой водой карьера, рыбьей слизью и какой-то въедливой, чужой резкостью. Под глазами залегли глубокие, болезненные тени, губы были плотно сжаты в тонкую бледную линию.

Из стеклянных дверей дома, услышав шум мотора, выскочила Снежанна. Дочь была в легком домашнем халате, ее ухоженное лицо кривилось от явного, неприкрытого раздражения.

- Мам, ну ты вообще нормальная? - с ходу пошла в атаку Снежанна, демонстративно скрестив руки на груди. - Уехала ни свет ни заря, бросила нас тут одних. Мы с детьми проснулись - никого нет, гарью несет, духотища страшная. Тебе обязательно свои дурацкие рыбные дела решать в законные выходные, когда мы специально к вам приехали? Папа тут один с нами возится, развлекает внуков, завтраком всех кор-

мит!

Маша остановилась у самых ступенек веранды. Я приготовился к ее обычной реакции – суетливым извинениям, попыткам оправдаться, сгладить острые углы. Но она промолчала. Она медленно подняла взгляд и посмотрела прямо на меня. В этом взгляде внезапно не оказалось ни привычной вины, ни затаенной обиды. Там было что-то холодное, спокойное, препарирующее. До зубовного скрежета неуютное. Словно она смотрела не на своего успешного мужа, а на дефектную деталь, которую только что достали из-под пресса.

Это странное молчание резануло по моим нервам, но я мгновенно включился в игру. Мое лицо приняло привычное выражение глубокой, всепрощающей отцовской заботы. Я подошел к дочери и мягко, но властно приобнял ее за плечи, создавая визуальный и психологический барьер между ней и матерью.

- Снежа, девочка моя, прекрати, - мой баритон зазвучал бархатно, умиротворяюще. Я знал, как работают интонации на мою аудиторию. - Не дави на маму. Ты же видишь, как ей тяжело.

Я перевел взгляд на жену и сделал осторожный шаг навстречу, протягивая руку ладонью вверх.

- Марисса, ну зачем ты так себя загоняешь? - я мученически, с ноткой легкой грусти вздохнул. - Сосудистые спазмы из-за этой аномальной жары критически бьют по нервным окончаниям. Снежанна, мы должны быть снисходительны к

женским возрастным кризисам. Твоей маме сейчас кажется, что весь мир против нее. Гормональный фон скачет, отсюда и эта паранойя, бессонница, внезапные нелогичные побеги из дома. Ей просто нужен покой, забота близких и хорошие препараты.

Я положил ладонь на плечо жены. Ее мышцы под тонким льном оказались твердыми как камень, напряженными до предела. Она не отстранилась, не сбросила мою руку, но и не подалась навстречу моему теплу.

- Иди в дом, прими прохладный душ, Маша, - я снисходительно улыбнулся, мягко погладив ее большим пальцем по напряженной ключице. Этот покровительственный жест всегда работал безотказно, демонстрируя окружающим мою безграничную любовь, а ей - мою невидимую власть. - Тебе нужно полежать в темной комнате.

В кармане моих светлых брюк коротко и требовательно завибрировал телефон. Идеальный, математически выверенный тайминг. Я сам поставил этот скрытый будильник ровно на половину первого, выбрав для него рингтон, имитирующий звонок от главного инженера завода.

Я извиняющимся жестом поднял указательный палец, прося тишины, достал аппарат и приложил его к уху. Мое лицо мгновенно окаменело, челюсти сжались, брови сурово сошлись на переносице. Я отступил на пару шагов в сторону, стопроцентно вживаясь в роль капитана тонущего промышленного корабля.

- Да, Петрович. Что значит сорвало крепления на тестовом стенде? Вы там совсем в своем уме? - я повысил голос ровно настолько, чтобы жена и дочь в полной мере оценили масштаб разворачивающейся катастрофы. - Я лично проверял спецификацию этих китайцев! Если шахта завернет партию из-за брака, мы попадем на такие дикие неустойки, что завод пойдет с молотка, а вы все пойдете на биржу труда. Ничего не трогайте без меня, я срочно выезжаю!

Я яростно нажал кнопку отбоя и с силой потер переносицу двумя пальцами, блестяще отыгрывая крайнюю степень измотанности ответственного руководителя. Снежанна тут же испуганно ахнула, подступая ко мне ближе.

- Пап, какой ужас... Что случилось?

- ЧП на складе, Снежа, - я посмотрел на дочь с горькой, усталой улыбкой человека, который несет на своих плечах весь этот мир и не принадлежит сам себе. - Поставщики привезли партию бракованных буров для новой проходки. Контракт с шахтой горит синим пламенем. Мне нужно срочно ехать в город, разруливать этот кошмар на месте, пока мы не лишились всего.

Я перевел тяжелый взгляд на Машу. Она все так же стояла у перил, молча наблюдая за моим выступлением. Меня снова неприятно кольнуло ее статическое спокойствие, но я списал это на физическое истощение после работы на ее вонючей ферме.

- Марисса, мне очень жаль, что наши семейные выходные

сорваны, - сказал я, стремительно проходя мимо нее в дом.
- Я задержусь на производстве допоздна. Возможно, до глубокой ночи. Мои идиоты там совсем мышей не ловят, придется пересчитывать всю партию вручную и оформлять акт возврата.

Я поднялся на второй этаж, в нашу спальню. Открыл дверцу просторного гардероба и привычным, отточенным движением достал свой дорогой кожаный кофр для одежды. Аккуратно вложил в него свежую, выглаженную голубую сорочку, запасной шелковый галстук и легкий летний пиджак. Моя легенда должна была оставаться безупречной до мельчайших деталей. Если владелец крупного завода едет спасать многомиллионный контракт, он обязан выглядеть соответствующе, а не как потный грузчик в мятой футболке. К тому же, Алла до дрожи в коленках обожала, когда я приезжал к ней при полном параде. Это возбуждало ее сильнее любых дорогих подарков или слов.

Спустившись вниз с кофром через плечо, я коротко поцеловал дочь в висок, потрепал по макушке выбежавшего из гостиной внука Кирилла и строго кивнул жене, которая так и не сдвинулась с места.

- Не жди меня, Маша. Выпей на ночь свое успокоительное и ложись спать. И ради бога, если ветер не переменится, вообще не выходите с детьми на улицу, дым становится слишком плотным. Сидите дома под кондиционерами.

Я не стал дожидаться ее покорного кивка. Развернулся

и деловым шагом пошел к своему черному внедорожнику, припаркованному у распахнутых ворот. Бросил кофр на заднее кожаное сиденье, сел за руль и с глухим стуком захлопнул тяжелую, бронированную дверь.

Звуки внешнего недружелюбного мира исчезли, начисто отрезанные двойными стеклопакетами и идеальной немецкой шумоизоляцией. Никакого скрипа гравия, никакого недовольного нытья дочери, никакого тяжелого гула ветра, раскачивающего сухие сосны. Я нажал кнопку запуска двигателя. Приборная панель приветливо, мягко вспыхнула неоновым светом.

Мои пальцы легли на сенсорную панель климат-контроля. За бортом датчик показывал плюс тридцать семь градусов. Я плавно прокрутил блестящее колесико, выставляя комфортные двадцать один градус. В салон мгновенно хлынул поток ледяного, тщательно очищенного угольными фильтрами воздуха, пахнувшего морозной свежестью, а не горячей тайгой.

Я бросил короткий взгляд в салонное зеркало заднего вида. Проверил свой пробор - волосок к волоску. Моя совесть была причесана так же идеально. Я ехал не развлекаться с девкой, я ехал спасать хрупкую женщину и больного астмой ребенка от разворачивающейся экологической катастрофы. Разве можно осуждать человека за милосердие?

Прямо в лобовое стекло ударил порыв горячего ветра, швырнув на стекло крупный серый пепел. Над верхушками

леса, прямо за крышей моей дачи, небо наливалось большой, густой багровой желтизной. Тайга горела уже по-настоящему, огонь стремительно пожирал сухой валежник всего в нескольких километрах от нашего коттеджного поселка.

Но меня это совершенно не тревожило. Неприятности, стихийные бедствия и кризисы случаются только с неудачниками, которые не умеют планировать свою жизнь и поддаются панике. А я всегда держал руку на пульсе.

Я включил любимую джазовую радиостанцию, плавно вывел тяжелую, послушную машину со двора и нажал на газ, направляясь в сторону городской трассы. Мои мысли уже были далеко от этого пропахшего гарью места. Я размышлял о том, стоит ли заказать к ужину у Аллы доставку из того нового, модного итальянского ресторана, или мы вполне обойдемся ее домашним пирогом и бутылкой превосходного сухого вина, которая ждала меня в тайном холодильнике.

Огонь и сумасшедшая жена остались далеко за спиной. В моем личном мире, тщательно выстроенном из денег, высокого статуса и безупречной лжи, было прохладно, безопасно и очень уютно. И я был намерен сохранить этот идеальный мир любой ценой.

Глава 5. Ветер меняется

Влажная губка методично, круг за кругом, стирала со стеклянной столешницы липкий след от кофейной чашки. Ложь, как и правильно сваренный эспрессо, требует идеальных пропорций и дорогой подачи. Мой муж всегда был превосходным бариста в этом деле.

Снежанна стояла посреди гостиной, плотно запахнув свой легкий шелковый халатик. Она заняла стратегически выгодную позицию прямо под спасительной струей кондиционера и теперь отчитывала меня с интонациями оскорбленного прокурора.

- Мам, ну у тебя и лицо было. Будто он не на работу поехал выходной спасать, а милостыню у тебя просил. Папа ради нас жилы рвет, многомиллионный контракт под угрозой, а ты даже не переделалась после своих рыбных луж! Стоишь, смотришь на него волком. Тебе самой-то не стыдно?

Я не стала отвечать. Спор с дочерью сейчас имел не больше смысла, чем попытка объяснить рыбе устройство аквариума. Мои пальцы, все еще сохранившие слабый, въедливый запах ила и холодной воды карьера, механически расставляли тарелки в посудомоечную машину. Затем я убрала в холодильник сырную нарезку и остатки утренней каши. Продукты не должны портиться из-за того, что чья-то семейная жизнь летит в тартарары.

Мой разум, привыкший за годы молодости на заводе работать с жесткими допусками и строгими схемами, хладнокровно препарировал утренний спектакль мужа. «Авария на складе», «китайский брак», «многомиллионные неустойки». Звучало крайне убедительно для Снежанны. Но человек, который экстренно едет на пыльный производственный склад перебирать грязные, покрытые технической смазкой буры, не берет с собой в дорогом кожаном кофре запасной шелковый галстук и светлый летний пиджак. Это экипировка для ресторана. Для чужой чистой спальни. Для чего угодно, только не для спасения шахтерского контракта от провала.

Я достала из дверцы холодильника запотевший кувшин с домашним лимонадом, налила полный стакан и понесла его в гостиную.

Десятилетний Кирилл валялся на угловом диване, свесив ноги, и раздраженно тыкал пальцем в экран планшета. У его ног прямо на ворсистом ковре младший брат, пятилетний Матвей, тихо катал пластиковую машинку.

- Опять зависло! - заныл старший внук, забирая у меня ледяной стакан. - Баб, ну почему тут интернет такой дохлый? Из-за этого дурацкого дыма на улице даже страница нормально не грузится.

Я присела на широкий подлокотник. Кирилл, отчаявшись запустить свою гоночную игру, от скуки листал новостную ленту в городском Telegram-канале «Углекаменск ЧП». Картинки прогружались медленно, рывками. Мой взгляд маши-

нально скользнул по экрану и внезапно зацепился за знакомый синий логотип на фоне серого бетонного забора.

Я мягко перехватила планшет из рук внука.

- Эй! - возмутился Кирилл.

- Секунду, милый. Я только посмотрю.

Пост был выложен местным водителем всего пятнадцать минут назад. Фотография пустой, залитой желтоватым ма-ре-вом промзоны. Подпись гласила: «Хоть где-то в городе нет дыма и суеты. Воскресная тишина на промке».

Я приблизила изображение двумя пальцами, жадно вглядываясь в детали. На фото были массивные, наглухо закрытые ворота «УглеБурСервиса». Абсолютно пустая асфальтированная парковка перед административным зданием. Никаких машин поставщиков. Никаких фур с китайским браком. Никакой суеты рабочих, срывающих свой законный выходной ради спасения компании. В глубокой тени у кирпичной проходной мирно спала бродячая собака.

Пазл захлопнулся с сухим, безжалостным щелчком. Уравнение сошлось окончательно, не оставив ни единой переменной для сомнений. Шестизначный пароль на телефоне. Сладкий запах чужой ванили на чистом воротнике. Гормональный ингалятор для мифической задыхающейся консержки. Идеально собранный кофр с одеждой. Все слова моего мужа были стопроцентной, стерильной фальшивкой. Меня не накрыл ранний климакс, у меня не было возрастной паранойи, и мне не нужны были сосудистые препараты. Из

меня просто годами, методично и с огромным комфортом делали удобную, сомневающуюся в себе идиотку.

Я почувствовала не истерику. Не жгучую обиду обманутой жены, которой хочется бить посуду и рвать на себе волосы. Внутри, где-то глубоко под ребрами, разлился абсолютный, звенящий лед ясности.

И именно в этот момент, когда иллюзия моей прошлой жизни рухнула окончательно, окружающий мир решил зеркально отразить эту катастрофу.

Дом тяжело, физически ощутимо вздрогнул. Это был не звук, а плотный кинетический удар. Мощный порыв раскаленного ветра врезался в панорамные окна террасы с такой пугающей силой, что толстые стеклопакеты жалобно зазвенели в деревянных рамах. Ветер, который всё утро лениво тянул гарь в сторону от нашего поселка, резко, как по команде невидимого диспетчера, поменял направление.

Желтая, больная муть за окном начала стремительно темнеть. За считанные секунды она налилась густым, багрово-черным цветом, похожим на расползающийся под кожей свежий синяк. Солнце просто исчезло, словно его намертво покрасили грязной сажей.

Свет на даче коротко, тревожно моргнул. Затем еще раз. И погас.

Кондиционер над головой Снежанны издал предсмертный булькающий хрип, плюнул последней порцией прохлады и затих. На нас мгновенно навалилась липкая, стоячая духо-

та. Тишина, повисшая в гостиной, была неестественной, ватной. И сквозь нее, пробиваясь через немецкую шумоизоляцию дома, до нас донесся совершенно новый звук.

Низкий, утробный, предельно тяжелый гул. Он был похож на шум приближающегося на полной скорости груженого товарного поезда, у которого отказали тормоза. Так гудел верховой пожар, жадно пожирающий кислород в кронах старой тайги.

На соседнем участке истерично, срываясь на хрип, завывала овчарка. К ней тут же цепной реакцией присоединились другие собаки поселка, создавая жуткую, первобытную симфонию животной паники.

- Мам? - голос Снежанны дрогнул. Ее инфантильная спесь испарилась мгновенно, оставив лишь до смерти перепуганную молодую женщину.

Матвей заплакал, бросив машинку. Кирилл часто и сухо закашлял, потирая слезящиеся глаза. На огромное стекло террасы шлепнулся крупный, размером с пятак, кусок жирного серого пепла. За ним второй, третий. Они мерзко размазывались по стеклу, оставляя грязные разводы.

Вязкий воздух снаружи внезапно вспорол механический, пронзительный визг. Заработала старая городская сирена системы оповещения со стороны реки.

Я бросилась в прихожую и распахнула входную дверь.

Мне в лицо ударила невидимая стена такой удушающей жары, словно кто-то открыл створку работающей печи в про-

мышленной пекарне. Глаза моментально защищало от едкого, густого дыма. Я посмотрела в сторону реки. Она всегда считалась нашей естественной преградой от тайги, нашей надежной водной полосой безопасности. Но сейчас стена сосен на том берегу вспыхивала гигантскими рыжими факелами. Огромные снопы искр, подхваченные шквальным ветром, легко перелетали через узкую полосу воды и падали на сухие крыши крайних домов нашего поселка. Огонь уже был здесь, он перешагнул реку.

- Собирай детей! - жестко крикнула я, возвращаясь в дом и с силой захлопывая дверь, отсекая ядовитый воздух от гостиной. - Документы, телефоны, воду! Быстро!

Снежанна заметалась по комнате, суетливо роняя вещи с журнального столика. Паника мгновенно лишила ее разума. Она подхватила на руки ревущего Матвея, а Кирилла судорожно дернула за футболку, таща к выходу.

- Мама, поехали на твоей машине! Прямо сейчас! Выгоняй ее! - кричала она.

Я бросила быстрый взгляд в боковое окно, выходящее на поселковую дорогу. Мой старенький кроссовер покорно стоял у ворот, но толку от него сейчас было ноль. Узкая грунтовая улица, ведущая к главной трассе, уже превратилась в смертельную ловушку. Соседи, бьющиеся в слепой истерике, пытались выехать из поселка все одновременно. Огромный внедорожник соседа снес хлипкий штакетник и застрял поперек колеи, кто-то перегородил проезд тяжелым прицепом

с лодкой. Машины гудели, сталкивались бамперами, намертво блокируя единственный выезд. Протиснуться там было физически невозможно даже на велосипеде.

Мышцы спины свело от первобытного холода, несмотря на тридцатиградусную жару в комнате. Мы оказались намертво заперты в клетке, к которой с каждой секундой подбирался верховой огонь.

- Там пробка, Снежа. Намертво, - мой голос прозвучал сухо, словно чужой. - Мы на моей не проедем, мы застрянем между заборами.

- Боже мой! Мы же сгорим тут! - Снежанна зарыдала в голос, прижимая к себе съездившегося Кирилла и плачущего младшего. Ее дрожащие пальцы судорожно вцепились в мобильный телефон. - Я звоню папе! У него огромный джип, он высокий, он прорвется по обочинам и канавам через лес! Папа нас вытащит!

Она лихорадочно тыкала пальцем в погасший экран, заливая его слезами. А я стояла посреди темной, стремительно нагревающейся комнаты в своих мятых льняных шортах и смотрела на взрослую дочь. Прямо сейчас, в шаге от надвигающегося ада, жизнь моих внуков зависела от идеального человека с безупречным пробором, чье каждое слово было математически выверенной ложью. Человека, который в эту самую минуту с комфортом находился в чистой, прохладной постели со своей любовницей.

Глава 6. Послушная девочка

- Да, котенок, папа на связи. Успокойся и не верещи.

Голос Славы, пробившийся сквозь динамик телефона Снежанны, звучал возмутительно нормально. Бархатный, глубокий, с той самой снисходительной хрипотцой опытного дрессировщика, которую он всегда использовал, когда "девочки придумывали проблемы на пустом месте".

Снежанна громко всхлипнула, прижимая трубку к щеке дрожащими пальцами с безупречным маникюром.

- Папа, тут ад! Соседи перегородили выезд, там тяжелый джип Воронцовых снес забор и встал поперек колеи... Мы не можем выехать! Огонь уже за рекой, искры летят прямо на крыши, дышать нечем!

- Снежа, девочка моя, выдохни, - Слава мастерски выдержал паузу, хирургически точно отсекая ее истерику. - Я знаю про затор, эти местные идиоты сами себя загнали в ловушку, поддавшись стадному инстинкту. Я не поехал по главной. Я свернул на старую лесовозную просеку, мой внедорожник там пройдет без проблем. Буду у вас минут через десять. Слышишь меня? Никуда не суйтесь. Закройте окна, намочите тряпки и ждите в доме. Я вас заберу. Поняла? Сидите и ждите меня.

- Да, папочка. Ждем, - Снежанна по-детски послушно кивнула, словно он мог видеть ее через экран смартфона, и шум-

но, с явным облегчением высморкалась.

Она сбросила вызов, и в нашей огромной гостиной повисла ватная, неестественная тишина, нарушаемая только низким, утробным гулом за панорамными окнами. Снежанна обняла перепуганных детей и мешком осела на кожаный угловой диван, мгновенно расслабившись. Спаситель сказал свое веское слово. Спаситель велел сидеть. Конфликт исчерпан, папа решит все проблемы, как делал это всю ее жизнь.

А я стояла посреди стремительно нагревающейся комнаты в своих измятых льняных шортах и чувствовала, как внутри меня медленно, с металлическим скрежетом проворачивается заржавевшая шестеренка. Мой мозг чертежницы, привыкший всю молодость работать с ГОСТами, строгими допусками и сухими математическими фактами, вдруг вычленил из этого короткого телефонного разговора одну пугающую, смертельную нестыковку.

Фоновый шум.

Слава только что уверенно заявил, что едет по лесовозной просеке, которая прилегает прямо к горящей тайге. Но в его трубке не было ни треска лесного пламени, ни рева раскаленного ветра, ни надрывного воя сирен пожарных расчетов, которые сейчас стягивались к дачному поселку. В его динамике стояла идеальная, стерильная тишина безупречной немецкой шумоизоляции салона, сквозь которую едва уловимо пробивался мягкий, расслабляющий джаз его любимой радиостанции.

Так звучит машина, неспешно едущая по ровному городскому асфальту вдали от катастрофы, с включенным климат-контролем. Так не звучит джип, прорывающийся сквозь огненный шторм по лесным ухабам.

- Мама, ну чего ты замерла столбом? - Снежанна нервно поправила полы своего тонкого шелкового халатика. - Папа же сказал намочить тряпки. Принеси какие-нибудь полотенца из ванной.

Я не стала с ней спорить. Инстинкт эффективной, бесперебойной хозяйки, отточенный годами брака до автоматизма, включился помимо моей воли, надежно блокируя подступающую панику. Я молча прошла в прихожую, стянула с верхней полки шкафа-купе прочную спортивную сумку из плотной парусины. Открыла встроенный в стену небольшой сейф, сгребла внутрь пластиковые папки с документами на дачу, наши с дочерью паспорта, свидетельства о рождении внуков и пухлый конверт с наличными. Затем быстро прошла на кухню, сунула в сумку две литровые бутылки столовой минералки из холодильника и дорожную аптечку.

Воздух в доме менялся с каждой секундой. Умерший из-за отключения электричества кондиционер больше не гонял спасительную прохладу, и наша просторная гостиная с высокими потолками стремительно превращалась в запаянный пластиковый парник. Окна были плотно закрыты на все замки, но едкий запах жженой хвои и тлеющего торфа все равно сочился сквозь микроскопические щели, оседая на

корне языка отвратительной, химической горечью. Пластиковые рамы панорамного остекления нагрелись под напором стихии так, что от них ощутимо тянуло сухим, колючим жаром, словно от раскаленной чугунной батареи в разгар зимы.

Я зашла в ванную комнату первого этажа. Открыла кран - поселковый насос без света уже не работал, но из смесителя на остаточном давлении в трубах ударила тонкая, прерывистая струйка воды. Я бросила в керамическую раковину четыре толстых махровых полотенца, дожидаясь, пока они напитаются влагой.

Широкое зеркало над раковиной беспристрастно отразило сутулую, уставшую женщину с прилипшими ко лбу прядями волос. Мои руки, загрубевшие за последние месяцы на рыбной ферме, механически отжимали тяжелую мокрую ткань. Лицо блестело от липкого пота, губы были плотно сжаты. И в этот момент дом тяжело, всем своим каменным основанием вздрогнул.

Толстые двойные стеклопакеты мелко, жалобно зазвенели в рамах. Это был не порыв ветра. Это был плотный кинетический удар верхового пожара, который пожирал кислород гигантскими, ненасытными глотками, создавая собственную чудовищную тягу.

Я вернулась в гостиную, кинула мокрые полотенца на журнальный столик и бросила взгляд на настенные электронные часы, экран которых был мертв. Пришлось посмотреть на наручные. Прошло ровно шестнадцать минут с момента

звонка.

За окном творился первобытный, неконтролируемый кошмар. Соседний участок, где на узкой дороге стоял намертво заклиненный брошенный джип Воронцовых, заволокло густым, непроницаемым багрово-черным дымом. Сквозь эту кипящую муть внезапно пробился ослепительно яркий, толстый рыжий язык пламени. Он жадно лизнул резной деревянный карниз соседской бани, и бревенчатое строение вспыхнуло с такой скоростью, будто было сложено из пропитанных бензином спичек.

- Мам... - голос Снежанны предательски дрогнул. Спесь улетучилась, оставив лишь животный ужас. Она прижала к себе Матвея так сильно, что пятилетний мальчик захныкал и попытался вырваться. Десятилетний Кирилл часто тер слезящиеся покрасневшие глаза и сухо, надрывно кашлял в кулак. - Где папа? Почему его до сих пор нет?

Я достала свой телефон из кармана шорт. Значок связи на экране нервно скакал: то одна тусклая палочка антенны, то безрадостное сообщение "нет сети" - вышки сотовой связи за рекой явно выходили из строя одна за другой. Я нажала на контакт "Слава" и крепко прижала трубку к уху.

Долгая, пустая тишина. А затем ровный, бездушный голос автоматической системы: "Абонент временно недоступен или находится вне зоны действия сети".

Я медленно опустила телефон. Жара в комнате стала не просто удушающей, она стала осязаемо тяжелой, сдавлива-

ющей грудную клетку невидимыми тисками. Моя влажная от пота хлопковая рубашка намертво прилипла к лопаткам, но по позвоночнику от шеи до поясницы скользнул острый кусок льда.

Именно в эту секунду, глядя на задыхающихся от нехватки кислорода внуков и на свою взрослую дочь, которая всё ещё слепо верила в спасителя, я кристально ясно осознала самую страшную вещь в своей жизни. Тридцать лет я была хорошей, удобной женой. Моим главным, безупречно выпестованным навыком было подчинение. Я покорно соглашалась, когда муж говорил, что я путаю факты. Я молчала, когда он снисходительно обесценивал мои тревоги. Я искренне верила, что он знает всё лучше меня, потому что он - мужчина, лидер, бизнесмен, наша несокрушимая каменная стена.

Слава приказал мне сидеть в этом доме и ждать его.

Если я сейчас поступлю так, как делала последние тридцать лет, если я останусь послушной девочкой и продолжу верить в его иллюзорный контроль над ситуацией, то через пятнадцать минут от нас четверых останется только кучка идеального серого пепла на итальянском керамограните. Моя многолетняя, выученная покорность стала для нас смертным приговором.

- Разбирайте, - я бросила тяжелые, сочащиеся водой полотенца на диван. Мой голос прозвучал сухо, жестко, словно принадлежал совершенно другой женщине.

- Что? - Снежанна непонимающе хлопала ресницами, раз-

мазывая по щекам черные дорожки потекшей туши.

- Обмотайте лица. Дышите только через влажную ткань. Мы уходим. Немедленно.

Я нагнулась, одним движением стянула свои мягкие домашние тапочки и всунула ноги в стоящие у пуфика жесткие, разношенные кроссовки. Затянула шнурки тугим двойным узлом.

- Никуда мы не пойдем! - Снежанна резко вскочила с дивана, ее голос сорвался на оглушительный визг. Страх и духота лишили ее последних остатков разума. - Папа четко сказал сидеть дома! Если мы сейчас выйдем на улицу, мы с ним разминемся в дыму! Ты вообще соображаешь, что делаешь, мама?! Он будет в ярости! Мы будем сидеть здесь и ждать его, как он велел!

Она попыталась снова осесть на кожаные подушки дивана, утягивая за собой ревущего навзрыд Матвея.

Во мне не было ни злости на ее откровенную глупость, ни привычной материнской мягкости. Во мне осталась только ледяная, хирургическая, первобытная необходимость выжить. Я шагнула к дочери вплотную. Никаких успокаивающих киношных уговоров. Никаких театральных пощечин, которые так любят показывать в глупых сериалах для приведения жертвы в чувства.

Моя правая рука, мышцы которой окрепли от ежедневного перетаскивания тяжелых садков с рыбой из ледяной воды карьера, метнулась вперед. Я мертвой, стальной хваткой

вцепилась в предплечье Снежанны, жестоко вдавливая пальцы в ее мягкую кожу чуть ниже локтя.

Дочь глухо ахнула от неожиданной физической боли и широко, в ужасе раскрыла глаза.

- Твоего отца здесь нет, - чеканя каждый слог, произнесла я, глядя прямо в ее расширенные, паникующие зрачки. - И не будет. И мы с ним не разминемся, Снежа. Потому что он даже не пытался сюда доехать.

- Ты... ты с ума сошла... - прошептала она, пытаясь дернуться назад, вырвать руку, но я держала намертво.

- Поднимай Матвея на руки. Сейчас же. Берешь ребенка, плотно закрываешь ему лицо мокрым полотенцем и идешь за мной след в след, не отставая ни на шаг. Если ты сейчас сядешь на этот диван и продолжишь ждать папу, я вытащу тебя на улицу за волосы, клянусь тебе всем святым. Пошла!

Я резко, с силой отпустила ее руку, оставив на бледной коже отчетливые красные следы от своих пальцев.

Снежанна больше не проронила ни слова. Мой тон, абсолютно лишенный истерики, пробил ее инфантильный панцирь эффективнее любых логических аргументов. Она судорожно, трясущимися руками обмотала лицо младшего сына полотенцем, крепко прижала его к груди и коротко кивнула.

Я закинула широкую лямку тяжелой сумки с документами на правое плечо. Взяла Кирилла за дрожащую, потную ладонь, силой всучив ему второе влажное полотенце.

- Пригнись пониже, малыш. Воздух у земли чище, дыши

только через тряпку, - скомандовала я.

Мы подошли к входной двери. Я положила ладонь на металлическую ручку тяжелого замка. Она была пугающе, неестественно горячей, словно дверь уже подогревали снаружи паяльной лампой.

Моя прошлая жизнь, с ее безупречно выглаженными сорочками, красивой ложью мужа и иллюзией абсолютной, железобетонной безопасности, навсегда оставалась за моей спиной в этой идеальной, медленно прожаривающейся гостиной.

Я повернула защелку замка и со всей силы толкнула тяжелую металлическую дверь плечом.

Никакого освежающего ветерка не было. В лицо с гудящим ревом ударила плотная, физически ощутимая стена раскаленного газа. Дым был таким густым и жирным, что казался осязаемым, он мгновенно забил ноздри даже сквозь мокрую махровую ткань, вызывая жесткий, болезненный спазм в гортани. Небо над головой полностью исчезло, растворившись в кипящей багрово-черной жиже.

Декоративный деревянный штакетник по периметру нашего участка уже весело потрескивал, полностью объятый прожорливым, ярко-оранжевым пламенем. Мы сделали шаг с крыльца прямо в открытую пасть ада.

Глава 7. Эвакуация из ада

Кислород вокруг нас не просто выгорал - он превратился в раскаленную, невидимую стекловату, которая нещадно царапала гортань при каждом судорожном вдохе. Стоило нам сделать первый шаг с деревянного крыльца во двор, как иллюзия контроля окончательно рухнула, раздавленная масштабом стихии. Влажные махровые полотенца, которыми я заставила обмотать лица детей всего пятнадцать минут назад, начали стремительно, пугающе быстро высыхать, отдавая свою спасительную влагу ненасытному сухому жару.

Я мертвой хваткой сжимала потную ладонь десятилетнего Кирилла. Мои старые, жесткие кроссовки тяжело ступали по гравию садовой дорожки. Пепел падал с багрово-черного неба крупными, жирными хлопьями. Он оседал на моих светлых льняных шортах и въедался в хлопковую рубашку грязными, серыми пятнами, превращая меня из респектабельной хозяйки дачи в чумазую оборванку. Декоративный пластиковый сайдинг на бане соседей справа уже не просто дымился - он плавился, пузырился и стекал по бревнам ядовитыми черными каплями, издавая резкий химический смрад.

Мы добрались до высокой кованой калитки, ведущей на поселковую улицу. Я дернула ручку, но она не поддавалась. От экстремального термического расширения тяжелый металл

повело, и язычок замка намертво заклинило в пазах.

Снежанна, прижимающая к груди плачущего пятилетнего Матвея, издала глухой, сдавленный всхлип. Ее тонкий шелковый халатик намертво прилип к вспотевшей спине. Дочь начала медленно оседать на корточки прямо на раскаленную брусчатку, поддаваясь паническому оцепенению.

У нас не было времени на уговоры. Не было времени бежать в сарай за ломом или искать другие пути. Огонь уже жрал верхушки наших сосен. Я отпустила руку Кирилла, сжала правую ладонь в кулак и со всей силы ударила предплечьем по железной задвижке. Металл даже не шелохнулся.

Тогда я обхватила раскаленную кованую ручку голыми пальцами и рванула ее на себя всем весом своего тела.

Острая, пронзительная, доводящая до слепой тошноты боль мгновенно прошла руку от кончиков пальцев до самого локтя. В воздухе, перебивая вонь горящей хвои и плавящегося пластика, отчетливо и мерзко запахло паленой кожей. Моей кожей. Замок со скрежетом вырвало из паза, тяжелая створка калитки с грохотом распахнулась настежь.

Я заставила себя не смотреть на ладонь, на которой ментально вздулись белесые, пульсирующие волдыри. Эта грубая, животная физическая боль сработала как идеальный дефибриллятор для мозга. Она окончательно выжгла из меня остатки той удобной, сомневающейся в себе женщины, которой я была последние тридцать лет.

Мы вывалились на узкую грунтовую улицу поселка и за-

мерли.

Слава обещал приехать за нами. По моим подсчетам, его время вышло еще минут десять назад. Он клялся, что прорвется по обочинам на своем мощном внедорожнике. Но сейчас перед нами была лишь мертвая, непреодолимая ловушка. Огромный черный джип наших соседей Воронцовых, в слепой панике пытаясь объехать затор, снес хлипкий деревянный забор и намертво застрял поперек дороги, заклинив передние колеса в глубокой дренажной канаве. За ним бампер в бампер, брошенные своими хозяевами, стояли еще три машины. Выезд из поселка был заблокирован так плотно, что там невозможно было протиснуться даже с детской коляской.

Идти пешком до городской трассы сквозь этот кипящий газ с двумя маленькими детьми означало верную смерть от удушья уже через двести метров.

Снежанна медленно опустила свое пересохшее полотенце на шею. Ее глаза, покрасневшие и слезящиеся от едкого дыма, расширились, уставившись на эту непроходимую баррикаду из покореженного, нагретого металла. До ее инфантильного, слепо верящего в несокрушимость отца разума наконец дошло то, что мой мозг бывшей чертежницы вычислил еще в нашей гостинной.

- Он... он не мог здесь проехать, - прохрипела дочь, судорожно глотая грязный воздух. Ее голос дребезжал от первобытного ужаса и крушения главной жизненной иллюзии. -

Мама, папа не мог быть здесь десять минут назад. Он соврал. Нас бросили.

Она покачнулась, теряя равновесие и едва не выронив Матвея. Я жестко схватила ее за плечо здоровой левой рукой, силой удерживая на ногах.

- Стой ровно и дыши через ткань! - рявкнула я, перекрывая густое гудение огня.

Именно в этот момент сквозь треск горящих деревьев пробился совершенно чужеродный звук. Тяжелый, надрывной рев автомобильного мотора, работающего на пределе своих лошадиных сил. Он доносился не со стороны заблокированного главного выезда, а сзади - со стороны старой, заброшенной лесовозной просеки, которая вплотную примыкала к тайге.

Из стены желто-черного дыма, ломая усиленным стальным бампером сухой кустарник, вырвался грязный, лифтованный рабочий пикап с полустертой эмблемой рыбной фермы "Чёрный Ключ" на борту.

Машина затормозила юзом, взметнув фонтан горячего гравия всего в паре метров от нас. Водительская дверь с лязгом распахнулась. Из-за руля выпрыгнул Тарас. На его шее болтался сдвинутый вниз старый, потрескавшийся респиратор горноспасателя. Он был с ног до головы покрыт сажей, его рабочая куртка тяжело пахла мазутом, и он заметно, болезненно припадал на свою травмированную левую ногу, с трудом удерживая равновесие на неровной дороге.

Никаких красивых киношных фраз. Никаких картинок спасения в стиле женских романов с развевающимися волосами. Тарас действовал с суровой, матерной эффективностью бывшего командира ВГСЧ, для которого катастрофа - это просто рабочая среда.

- Живо в кабину! - хрипло скомандовал он, распахивая заднюю дверь тесного сдвоенного салона.

Он буквально за шкурку подхватил Кирилла и забросил его на заднее сиденье. Снежанна, прижимая Матвея, в панике залезла следом. Я закинула на сиденье нашу тяжелую парусиновую сумку с документами и повернулась к передней пассажирской двери.

Тарас перехватил меня за локоть, помогая взобраться на высокую подножку. Его тяжелый, рентгеновский взгляд скользнул по моему лицу, а затем моментально опустился на мою правую руку, покрытую страшными, лопнувшими от напряжения волдырями. В его глазах не мелькнуло ни капли той липкой, унижительной жалости, которой меня всегда щедро потчевал муж при малейшей царапине. Тарас лишь плотно сжал челюсти и коротко, едва заметно кивнул мне - скупое мужское признание того, что я справилась. Он затолкнул меня в салон и с силой захлопнул дверь.

Едва он оказался за рулем, пикап рванул с места. Тарас не стал пытаться втиснуться в заблокированную улицу к брошенным машинам. Он крутанул тугой руль вправо, направляя тяжелую морду автомобиля прямо на дгорающий

штaketник пустующего соседнего участка. Жесткая подвеска жалобно лязгнула, мы подлетели на кочках, проламывая себе новую колею по чужим клумбам в обход застрывших джипов.

В кабине пахло жженым сцеплением, застарелым табаком и въевшейся в чехлы рыбной слизи. Кондиционер отвратительно дребезжал, с трудом гоняя по салону сухой, теплый воздух. Горящие ветки хлестали по грязному лобовому стеклу с мерзким металлическим скрежетом. Этот тесный, воючий и шумный салон был бесконечно далек от идеального внедорожника моего мужа, где всегда царила стерильная немецкая чистота, а из колонок лился бархатный джаз. Но именно здесь, вжимаясь в продавленное сиденье старого пикапа, я впервые за многие годы чувствовала себя в абсолютной, железобетонной безопасности.

- У меня в вагончике на ферме старая рация стоит, на частоты МЧС прошита, - не отрывая воспаленных глаз от дороги, хрипло произнес Тарас. Он словно прочитал мой немой, повисший в воздухе вопрос о том, как он здесь оказался. Его широкие ладони с побелевшими костяшками уверенно крутили баранку. - Я услышал перехват, что верховой пошел на ваши дачи, и что выезд намертво перекрыт соседями. Решил проверить старую просеку.

- Слава звонил нам четверть часа назад, - мой голос прозвучал сухо, словно сквозь слой пепла. - Сказал, что едет сюда лесовозными тропами.

Тарас криво, жестко усмехнулся. Левой рукой он с силой воткнул повышенную передачу.

- Твой муж носит костюмы, которые стоят как весь этот пикап, Михалычна. Такие люди в настоящий огонь не суются. Они спасают только то, что можно потом красиво застраховать или показать по телевизору. Я сразу понял, что по лесовозной колее он не поедет, побоится лак на дверях поцарапать.

Это была жестокая правда, не требующая никаких доказательств.

Пикап проломил последнюю полосу горящего подлеска и с глухим ударом колес выскочил на ровный асфальт широкой городской трассы. Тарас до упора вдавил педаль газа. Огненный ад остался позади, стремительно превращаясь в багровую, кипящую стену дыма в зеркале заднего вида.

В салоне повисла тяжелая, выматывающая тишина, которую нарушал только надрывный, сухой кашель детей на заднем сиденье. Я бросила взгляд в салонное зеркало. Снежанна сидела бледная как мел, обнимая Матвея. Ее идеальный маникюр впился в пластиковый корпус смартфона. Экран оставался черным. Отец, ее великий спаситель, так и не перезвонил, чтобы узнать, живы ли они.

Тарас, продолжая вести машину одной рукой, потянулся ко второму бардачку. Он выудил оттуда потертую, грязноватую аптечку, достал холодный металлический баллончик с пантенолом и молча бросил его мне на колени.

Я рефлекторно поймала флакон здоровой левой рукой. Опустила взгляд на свои ноги в измятых льняных шортах, покрытые толстым слоем жирной серой сажи. На изуродованную, пульсирующую болью правую ладонь. Мое немолодое тело гудело от запредельного перенапряжения, легкие горели от дыма, но внутри, на месте привычного страха сделать что-то не так или расстроить мужа, расцветала кристальная, режущая ясность.

- Везем вас в город, в первую школу, - сухо констатировал Тарас, возвращая руку на руль. - По радиии передали, что там развернули главный эвакуационный пункт. Врачи уже дежурят, ожог твой обработают.

Я молча кивнула, крепко сжимая в левой руке спасительный баллончик. Моя прошлая жизнь, выстроенная на фальши и красивых фасадах, только что сгорела дотла на моих глазах. И я была готова посмотреть в лицо человеку, который запер нас в этом огне.

Глава 8. Сорванная маска

Запах плавящейся изоляции и горелой хвои вьелся в поры так глубоко, что казался теперь моим собственным, естественным запахом. Он намертво перебивал даже густую, тяжелую вонь застарелого мазута в тесной кабине пикапа. Тарас резко ударил по тормозам, старая машина тяжело клюнула носом, и мы остановились на заасфальтированном дворе первой городской школы.

Вокруг кипел организованный хаос эвакуационного пункта. Синие маячки десятка карет скорой помощи тревожно окрашивали лица растерянных людей, надрывно и ровно гудели мобильные дизельные генераторы, кто-то хрипло кричал в мегафон, выстраивая очередь на регистрацию.

Адреналин, который последние сорок минут держал мое тело в состоянии натянутой до предела стальной струны, внезапно лопнул. И в образовавшуюся пустоту хлынула боль. Она скрутила желудок жестким, тошнотворным спазмом и запульсировала в обожженной правой руке так яростно, словно я все еще намертво сжимала раскаленную чугунную болванку.

Тарас заглушил мотор, и его старый пикап издал металлический щелчок остывающего металла. Наш спаситель молча выбрался наружу. Никаких киношных утешений, никаких попыток погладить меня по плечу или заглянуть в гла-

за с фальшивым сочувствием. Он просто распахнул заднюю дверцу и жестко, быстро помог Снежанне спустить на асфальт ревущего Матвея и надрывно кашляющего Кирилла.

- Вылезайте. Идите вон к тем красным крестам на палатках, - коротко скомандовал Тарас, перекрывая гул генераторов.

Я попыталась подхватить нашу тяжелую парусиновую сумку с документами правой рукой и едва не задохнулась от режущей вспышки под кожей. Пришлось неловко перехватить широкую лямку левой кистью. Ткань больно врезалась в ключицу. Мои песочные льняные шорты, в которых я еще вчера так старательно резала овощи на идеальной кухне, окончательно превратились в грязные тряпки, покрытые жирными серыми пятнами сажи.

- Я пойду к штабным МЧС, узнаю, что там по нашему квадрату и куда дальше пойдет ветер, - Тарас задержал на мне тяжелый, сканирующий взгляд, словно проверяя, не грохнусь ли я в обморок прямо на асфальт. Убедившись, что я твердо стою на ногах, он скупно кивнул и быстро растворился в суетящейся толпе погорельцев, заметно припадая на левую ногу.

В сортировочной палатке медицины катастроф было невыносимо душно. Воздух здесь можно было резать ножом - так густо он пропах нашатырным спиртом, потом, жженой синтетикой и дешевым корвалолом. Нас усадили на жесткие складные кушетки. Пожилой, измотанный врач с серым

от усталости лицом первым делом занялся внуками. Он нацепил на побелевшее лицо Кирилла и плачущего Матвея прозрачные кислородные маски, чтобы снять бронхиальный спазм от ядовитого дыма.

Затем медик повернулся ко мне.

Процедура оказалась мучительной и лишенной всякой эстетики. Никаких волшебных мазей, по щелчку пальцев снимающих боль. Ледяная струя обезболивающего спрея заставила меня до крови прикусить нижнюю губу. Врач взял хирургические ножницы и жестко, безжалостно отсек лопнувшие куски мертвой кожи с моей ладони.

- Ожог второй степени, классика термического контакта, - буднично констатировал он, накладывая пропитанную мазью салфетку и туго заматывая кисть белоснежным бинтом. - Дней десять, а то и все двенадцать этой рукой даже пустую кружку не поднимете. На перевязки ходить в поликлинику по месту жительства строго по графику, иначе загноится до кости. Поняли меня?

- Поняла, - сипло, сглатывая ком в горле, ответила я.

Эта острая, пульсирующая физическая боль парадоксальным образом сработала как лучший в мире антидот. Она окончательно выветрила из моей головы тот липкий, душный туман сомнений, который мой муж напускал туда годами. Боль заземляла. Делала реальность пугающе четкой. Мой мозг переключился из режима паникующей жены в режим холодной, математической констатации фактов.

Снежанна сидела на соседней кушетке, съжившись в комок. Медсестра уже успела всучить ей пластиковый стаканчик с легким седативным. Моя взрослая дочь, в своем нелепом, испачканном грязью тонком шелковом халатике, судорожно сжимала погасший смартфон с облупившимся маникюром, размазывала по щекам черные дорожки туши и безостановочно бормотала:

- Мама... папа, наверное, пешком прорывается. Он потерял машину в лесу... Джип застрял на обочине, а он ищет нас в дыму, понимаешь? Он же обещал. Он же просто не мог нас бросить.

Я смотрела на свою девочку и не чувствовала привычного, рефлекторного желания погладить ее по плечу и утешить. Ей было жизненно необходимо цепляться за эту сказку, потому что признание правды означало бы крушение всей ее картины мира, где она - любимая принцесса всемогущего папы.

- Вставай, Снежа, - ровно сказала я, поправляя лямку сумки на левом плече. - Идем внутрь школы. Детям нужно попить нормальной воды и есть.

Мы вышли из брезентовой палатки и медленно побрели к широкому бетонному крыльцу. Мой взгляд, привыкший в молодости выискивать на ватманах отклонения в миллиметры, машинально заскользил по школьной парковке. Она была до отказа забита автомобилями беженцев. Машины стояли вкривь и вкось, брошенные в слепой панике. Все они несли на себе уродливые печати катастрофы. Грязные, покры-

тые толстым слоем липкого серого пепла, с поцарапанными колючими ветками боками. У серебристого седана с краю от чудовищного термического удара лобовая оптика пошла мелкой, слепой паутиной трещин.

Я замерла, не дойдя до ступеней пары метров.

Среди этого искореженного, пропахшего тайгой металла гордо возвышался массивный черный внедорожник моего мужа.

Моя профессиональная, хирургическая оптика включилась на полную мощность. Машина Славы была абсолютно, стерильно идеальна. На глянцевом, дорогом лаке не было ни единого теплового пузыря. Хромированная радиаторная решетка блестела чистотой, в ней не застряла ни одна обгоревшая ветка. На широких колесных арках полностью отсутствовала рыжая, вязкая лесная глина, которой изобиловала та самая просека.

Этот автомобиль сегодня не прорывался сквозь верховой пожар. Он не прыгал по ухабам и не терся боками о полыхающие кусты. Он мягко и с максимальным комфортом катился по гладкому, безопасному городскому асфальту на другом конце города, пока его климат-контроль исправно фильтровал воздух.

Первый жесткий факт со звоном упал в копилку моей новой реальности.

Школьный спортзал встретил нас удушливой духотой и гулом сотен голосов, многократно отражающимся от высо-

ких потолков. Пространство между баскетбольными кольцами было хаотично заставлено брезентовыми раскладушками, пластиковыми стульями и брошенными узлами с наспех собранными вещами. Пахло людским потом, мокрой шерстью животных и чужим, неприкрытым горем. Рядом с нами пожилая женщина тихо плакала над пустой собачьей переноской.

Я повела Снежанну и внуков вперед по узкому проходу между матами, методично сканируя зал. Я точно знала, где искать. Мой муж всегда занимал только лучшие места. Подалее от сквозняков, хлопающих дверей, воняющих туалетов и суетсящейся, кричащей толпы.

Мой взгляд скользнул к дальней деревянной шведской стенке.

Слава был жив, абсолютно цел и безмятежен. На нем была та самая свежая голубая сорочка, которую он аккуратно укладывал в свой кожаный кофр перед тем, как уехать с дачи спасать "миллионный контракт". Верхние пуговицы были расстегнуты ровно настолько, чтобы придавать ему вид благородно уставшего героя, но на самой ткани не виднелось ни пылинки. Он не бегал в панике по спортзалу, расспрашивая спасателей о пропавшей в огне семье. Он не висел на телефоне, обзванивая больницы.

Он спокойно сидел на деревянной скамье, образовав вокруг себя островок уюта.

В его объятиях, уткнувшись лицом в его плечо, пряталась

молодая женщина. На ней был теплый, чистый бежевый кардиган. Алла. Скромный, тихий бухгалтер с его завода. Сам Слава уверенным, покровительственным жестом накидывал казенный клетчатый плед на плечи бледного, щуплого мальчика лет восьми. Ребенок судорожно сжимал в тонких руках пластиковый баллончик. Тот самый дорогой гормональный препарат для астматиков, который мой идеальный муж "покупал для задыхающейся консьержки Антонины".

Картинка сошлась. Все переменные сложились в ровное, безупречное уравнение без единой ошибки.

Я не испытала желания закричать на весь зал, броситься на него с кулаками или театрально сползти по стене, заламывая руки в истерике. Я просто смотрела на вещи, аккуратно составленные у ног Славы.

Это не были случайные пожитки, которые хватают в слепой панике, выбегая из горящего дома или спасаясь из сломанной машины на обочине. Там стояли две тяжелые, плотно набитые качественные дорожные сумки. Рядом лежала аккуратная стопка пластиковых папок-скоросшивателей с документами. И большая синяя переноска, сквозь сетку которой недовольно щурился упитанный породистый британский кот. Никто не спасается от внезапного огня на трассе с таким выверенным, тщательно собранным багажом.

Слава не просто завел любовницу для редких встреч в городских гостиницах. Когда пришел огненный шторм, он хладнокровно, абсолютно взвешенно сделал свой выбор. Он

оставил нас задыхаться в запертом поселке, приказав сидеть и ждать его, а сам спокойно поехал на другой конец города эвакуировать свою молодую, удобную семью вместе с их котом.

Снежанна, стоявшая чуть позади меня, проследила направление моего взгляда. Ее правая рука, крепко сжимающая ладошку Кирилла, безвольно опустилась вдоль туловища.

- Папа? - глухо, словно выдавливая из себя остатки воздуха, произнесла дочь.

В эту самую секунду Слава, словно уловив изменение плотности пространства вокруг себя, поднял голову. Его бархатный, уверенный взгляд скользнул поверх спящей толпы и намертво врезался в меня. В стареющую женщину с перебинтованной рукой, в грязной, измятой одежде, чье лицо было покрыто толстым слоем жирной серой сажи. И ни один мускул на его лице не дрогнул от раскаяния.

Глава 9. Идеальная ложь

Поразительно, с какой пугающей, почти животной скоростью человеческое лицо способно сменить маску, если на кону стоит репутация.

Наш зрительный контакт через гудящий, переполненный беженцами школьный спортзал длился не больше секунды. Я стояла в проходе между гимнастическими матами, сжимая левой рукой лямку тяжелой парусиновой сумки. Моя правая кисть, туго стянутая свежими белоснежными бинтами, пульсировала глухой, влажной болью. Каждый удар сердца отдавался под кожей тысячей раскаленных игл - там, где врач медицины катастроф безжалостно срезал лопнувшие от ожога волдыри. Эта физическая, грубая боль работала сейчас как идеальный якорь. Она заземляла меня, не давая провалиться в привычный, уютный туман сомнений, в котором я жила последние тридцать лет.

Мой муж сидел на деревянной скамье у шведской стенки, обнимая свою молодую любовницу. Когда его взгляд поверх снующей толпы столкнулся с моим, он не побледнел. Не замер в позе застигнутого врасплох преступника, роняющего вещи из рук, как это любят показывать в дешевых вечерних мелодрамах. Его реакция была реакцией хищника, который мгновенно считывает изменившиеся вводные данные.

Жена жива. Дочь и внуки целы. Вокруг сотни случайных

свидетелей, спасатели и врачи скорой помощи.

Я видела, как Слава резко, но без суетливой паники отстранился от Аллы. Он наклонился к ней и что-то быстро, по-деловому шепнул на ухо - должно быть, дал четкую инструкцию сидеть на месте и молчать. В следующее мгновение его осанка неуволимо изменилась. Исчезли расслабленные плечи уверенного в себе мужчины, утешающего чужую семью. За долю секунды он трансформировался в обезумевшего от тревоги, смертельно уставшего и сломленного отца.

Он сорвался со скамьи и побежал к нам. Его тяжелый, сбивающийся бег через спортзал был безупречной театральной постановкой для десятков случайных зрителей.

- Боже мой! Девочки мои! - его глубокий, бархатный баритон вибрировал от математически выверенной дозы отчаяния и облегчения.

Слава подлетел к нам и сгреб в охапку Снежанну и кашляющих внуков. Снежанна, чьи нервы были окончательно уничтожены пережитым животным ужасом и удушьем, издала надрывный, высокий всхлип и повисла на шее отца. Ее тонкий шелковый халатик был покрыт грязными разводами, волосы намертво пропахли едким дымом плавящегося пластика, а по щекам размазалась сажа вперемешку со слезами. Десятилетний Кирилл вцепился потемневшими пальцами в рукав деда, а пятилетний Матвей просто завыл, уткнувшись ему в живот.

Мой мозг бывшей чертежницы, привыкший всю моло-

дось работать со сложными механизмами, строгими схемами и миллиметровыми допусками, с холодной, хирургической ясностью фиксировал детали этой сцены. Я смотрела, как виртуозно мой муж обнимает свою семью. Со стороны это выглядело как порыв отчаянной отцовской любви. Но вблизи, стоя всего в шаге от них, я видела, что Слава держит свой торс слегка выгнутым назад, оставляя между собой и дочерью спасительную дистанцию в несколько сантиметров. Он мастерски имитировал крепкие объятия, при этом тщательно следя за тем, чтобы жирная копоть с одежды Снежанны и перепачканных летних футболок мальчишек не испачкала его безупречно чистую, свежую голубую сорочку.

Даже в эпицентре катастрофы, обнимая детей, спасшихся из огня, его внешний вид оставался для него приоритетом номер один.

- Папочка! - захлебываясь слезами, кричала Снежанна, комкая трясущимися пальцами ткань на его плечах. - Мы думали, ты погиб! Где ты был?! Мы ждали тебя на даче, как ты велел, соседский забор уже горел! Если бы не тот страшный мужик с маминой фермы на пикапе, мы бы там задохнулись насмерть! Почему ты не приехал?!

Слава тяжело, мученически вздохнул и прижал губы к макушке дочери.

- Снежа, девочка моя, выдохни, я здесь, всё позади, - его голос звучал глухо, с характерной хрипотцой человека, побывавшего в аду. - Я гнал по той старой лесовозной просе-

ке, как сумасшедший. Но ветер переменялся слишком быстро. Начался страшный верховой пожар, огонь перекинулся на деревья прямо над дорогой. Горящие сосны падали прямо на капот машины, стена дыма была такой плотной, что я не видел даже собственных рук на руле. Я чуть не сгорел там заживо, понимаешь? Двигатель задыхался от нехватки кислорода. Мне пришлось сдавать назад вслепую, по ухабам и кустам, чтобы не остаться в этом пекле навсегда. Я обрывал телефоны МЧС, я места себе не находил, умолял пропустить меня через кордоны на трассе...

Снежанна зарыдала с новой силой, но теперь это были слезы раскаяния и облегчения. Ее инфантильный, требующий постоянной защиты разум с радостью ухватился за эту версию. Папа герой. Папа пытался прорваться. Папа сам стал невинной жертвой стихии. Внутренний конфликт в ее голове был мгновенно исчерпан, ее картина мира вернулась в привычное, комфортное русло.

А я стояла рядом в своих измятых, испачканных серой золой льняных шортах и слушала эту идеальную, отполированную до блеска ложь.

Моя обожженная рука горела под бинтами, напоминая о реальности. Мой муж только что в красках описал, как прорывался сквозь полыхающую тайгу, как тяжелые раскаленные ветки били по машине, а температура плавила металл. Но всего десять минут назад, подходя к бетонному крыльцу этой школы, я видела его массивный черный внедорожник

на забитой парковке.

Он стоял среди десятков покалеченных автомобилей беженцев. Искореженных, покрытых толстым слоем липкой золы, с поцарапанными колючими кустами боками и пошедшей мелкими, слепыми трещинами от термического удара лобовой оптикой. На фоне этого уставшего металла машина Славы выглядела так, словно только что выехала с конвейера элитного автосалона. На глянцевом, дорогом лаке не было ни единой царапины или вмятины. Хромированная радиаторная решетка блестела стерильной чистотой, в ней не застряла ни одна обгоревшая ветка. На широких колесных арках полностью отсутствовала рыжая, вязкая лесная глина, которой изобиловала та самая спасительная просека.

Он никуда не прорывался. Он мягко и с максимальным комфортом катился по гладкому, безопасному городскому асфальту на другом конце Углекаменска, пока его система климат-контроля исправно фильтровала воздух под звуки легкого джаза.

Слава, продолжая гладить внуков по спинам, поднял глаза на меня.

- Марисса, - в его тоне зазвучали нотки глубокого, бережного сочувствия. Он протянул руку, собираясь коснуться моего плеча. - Твоя рука... Господи, что вам пришлось пережить из-за этих проклятых пожарных, которые не смогли вовремя локализовать огонь.

Я не сказала ни слова. Я просто сделала короткий, медлен-

ный шаг назад, уходя из-под его ладони. Мое лицо, покрытое слоем въевшейся сажи, оставалось абсолютно неподвижным. Я не собиралась бить его по щекам, бросаться на него с кулаками или громко кричать обвинения. За долгие годы брака я слишком хорошо усвоила, как виртуозно он умеет использовать любые мои сильные эмоции против меня же самой, списывая их на возрастные истерики.

Я просто перевела взгляд за его плечо. Туда, к деревянной шведской стенке, где на казенном мате сидела Алла со своим сыном Яном.

Слава - умный человек. У него животный, первобытный нюх на малейшую опасность. Он мгновенно проследил за направлением моего взгляда, понял, где в его крепкой броне зияет гигантская брешь, и попытался сыграть на опережение, на ходу перекрывая этот пробел в своей легенде.

- Вырвавшись из того огненного ада на просеке, я выскочил на объездную трассу, - заговорил он чуть быстрее, обращаясь больше к Снежанне, но напряженно, не мигая глядя на меня. - А там, в самом дыму, стояла эта бедная женщина. Наша бухгалтерша с завода, Алла. Стояла на обочине со своим мальчиком, представляешь? У ребенка тяжелейшая астма, он синел прямо на глазах, задыхался от гари. Машину они поймать не могли, все неслись мимо в слепой панике. Я просто не мог проехать мимо и бросить их умирать на дороге. Закинул их в салон и помчался сюда, к врачам.

Снежанна умиленно и сочувствующе шмыгнула носом, с

обожанием глядя на отца-спасителя.

А я продолжала методично, холодно, как патологоанатом, препарировать его слова. Мой взгляд медленно скользил по фигуре Аллы, которая сейчас нервно теребила край своего кардигана, глядя на нас испуганными, бегающими глазами.

Факт первый. На Алле был надет светлый, бежевый вязанный кардиган. Он был абсолютно, безупречно чистым. На мягкой шерсти не было ни единого пятнышка сажки, ни одной зацепки от бега по лесу. Ее волосы были аккуратно собраны заколкой, а лицо не носило следов паники и липкой копоты. Так не выглядят люди, которые задохались в дыму на обочине трассы, спасаясь от верхового лесного пожара. Так выглядят люди, которые спокойно, без спешки вышли из чистой городской квартиры и сели в чистую машину.

Факт второй. Я опустила глаза ниже, к ногам Аллы и сидящего рядом с ней щуплого мальчика с ингалятором в руках. На деревянном полу спортзала не было полиэтиленовых пакетов-маек или наспех схваченных в охапку случайных вещей, с которыми люди обычно выбегают из горящих домов. Там стояли две большие, объемные дорожные сумки из хорошей непромокаемой ткани. Они были застегнуты на все молнии, их бока туго выпирали от аккуратно сложенной одежды.

Никто, спасаясь от стихии на трассе, не стоит на обочине с тяжелым, плотно упакованным багажом.

Факт третий. Рядом с сумками лежала стопка жестких

пластиковых папок-скоросшивателей. Тех самых, в которых обычно бережно хранят свидетельства о рождении, дипломы, медицинские карты и документы на недвижимость. Человек, бегущий от стены огня, хватается паспорт из тумбочки и сует его в карман куртки. Никто не берет с собой идеально отсортированный домашний архив, если у него нет в запасе минимум часа на спокойные, планомерные сборы.

Факт четвертый. Финальный, безжалостный гвоздь в крышку гроба моего тридцатилетнего брака.

Справа от Аллы, наполовину прикрытая ветровкой мальчика, стояла большая, комфортная пластиковая переноска синего цвета. Сквозь металлическую решетку дверцы на меня недовольно, настороженно щурился крупный, упитанный породистый кот британской породы.

Мое сердце на секунду пропустило удар, а затем забилось ровно, тяжело и размеренно. Все мои многолетние страхи, иллюзии и попытки оправдать мужа не просто сгорели - они превратились в холодный, серый пепел, который ветер уносит навсегда.

Это была не просто случайная интрижка, которую можно было бы попытаться простить, сославшись на мужской кризис среднего возраста или минутную слабость. Мой муж не оступился. Он всё хладнокровно просчитал.

Когда на наш город пошел огненный шторм, когда ветер погнал раскаленный ядовитый газ на дачный поселок, где находились его законная жена, его взрослая дочь и двое его ма-

леньких внуков, Слава взвесил наши жизни на невидимых весах. Он позвонил Снежанне, приказал нам запереться в доме и покорно ждать его. Он намеренно, пользуясь своим авторитетом, удерживал нас в смертельной ловушке, чтобы мы не пытались спастись сами и не путались у него под ногами.

А в это самое время он спокойно ехал на другой, абсолютно безопасный конец города. Он ехал в квартиру к своей молодой любовнице. Он дал Алле достаточно времени, чтобы она неспешно собрала в дорожные сумки теплые вещи. Он подождал, пока она найдет и аккуратно сложит в пластиковые папки все важные бумажки. Любой нормальный человек знает, что коты при запахе малейшей гари в панике забиваются под диваны. Слава дал им время найти, вытащить и упаковать в переноску испуганного кота.

Он выбрал, кого будет спасать. И это были не мы. Он оставил нас задыхаться, выигрывая драгоценное время для комфортной, безопасной эвакуации своей новой, удобной семьи вместе с их питомцем.

Снежанна продолжала что-то быстро говорить отцу, утирая слезы рукавом, но я ее больше не слышала. Звуки огромного спортзала, надрывный гул дизельных генераторов за окном, плач испуганных детей - всё это слилось для меня в один ровный, глухой фоновый шум.

Я медленно подняла взгляд от синей кошачьей переноски и посмотрела прямо в лицо Вячеслава.

В моих глазах не было ни слез, ни подступающей истери-

ки, ни привычной, такой удобной для него женской покорности. Там было лишь абсолютное, кристально чистое, режущее понимание его гнилой сути. Я видела его насквозь. До самого дна его эгоистичной, трусливой душонки. И я знала, что он это понимает.

Слава внезапно осекся на полуслове. Его длинные пальцы, поглаживающие спину дочери, на мгновение замерли в воздухе. В его карих, всегда источающих железобетонную уверенность глазах мелькнул первобытный, холодный страх разоблачения. Его идеальная, выпестованная годами маска благородного героя дала микроскопическую, но уже непоправимую трещину.

Он понял, что его безупречное алиби только что было уничтожено чистым кардиганом и одной кошачьей клеткой. Он понял, что я не куплюсь на его бархатный голос и никогда не прощу ему этот выбор. И, зная своего мужа лучше, чем саму себя, я отчетливо видела, как в его изворотливом мозгу прямо сейчас, за долю секунды, формируется новый, жестокий план защиты.

Воздух между нами скрутился в тугую, звенящую стальную пружину. Я приоткрыла сухие, потрескавшиеся от лесного жара губы, чтобы задать ему один-единственный вопрос. Но Слава - умный, опытный хищник. А хищник, загнанный в угол собственной ложью, всегда наносит удар первым.

Глава 10. Диагноз

- И как кот вел себя в дыму, Слава? - тихо спросила я. Мой голос прозвучал неестественно ровно, без единой истеричной нотки, прорезав густой, пропахший потом и валерьянкой воздух школьного спортзала. - Сильно кричал, когда вы ловили его по обочинам? И папки с документами на квартиру... они тоже сами аккуратно сложились в эти чистые дорожные сумки, пока вы задыхались?

Я стояла в метре от своего мужа. Воздух вокруг можно было резать ножом - он был липким, тяжелым, пропитанным запахами жженой синтетики, дешевого успокоительного и чужого животного страха. За высокими окнами спортзала надрывно гудели мобильные дизельные генераторы, и этот монотонный звук резонировал прямо в грудной клетке.

Моя правая кисть, туго стянутая свежими белоснежными бинтами, бережно покоилась на животе. Каждое биение сердца отдавалось под кожей глухой, влажной болью - там, где дежурный хирург безжалостно срезал лопнувшие от термического ожога волдыри. Эта грубая физическая боль была сейчас моим главным союзником. Она работала как тяжелый свинцовый якорь, заземляя меня. Она не давала мне улететь в привычный, уютный туман сомнений, в котором я провела последние тридцать лет, раз за разом убеждая себя, что мне снова просто показалось.левой рукой я крепко, до побелев-

ших костяшек, сжимала широкую лямку нашей тяжелой парусиновой сумки с документами.

Слава осекся на полуслове. Его длинные, ухоженные пальцы, успокаивающе поглаживающие Снежанну по спине, на мгновение замерли. Я смотрела прямо в его карие глаза и видела то, чего не замечала ослепленная паникой толпа беженцев вокруг. Его зрачки едва заметно расширились. Мозг опытного бизнесмена и виртуозного манипулятора за долю секунды просчитал все переменные. Он понял, что его идеальная, слезливая легенда о спасении случайных погорельцев на трассе имеет фатальный изъян. Объяснить логически наличие собранного домашнего архива и породистого британца в клетке он не мог.

Значит, нужно было сделать так, чтобы моим глазам никто не поверил.

Мой муж не стал оправдываться. Он не заикался, не отводил взгляд и не мялся, как это делают изменники в плохих сериалах. Хищник, загнанный в угол собственной ложью, всегда бьет на опережение.

Слава отпустил дочь, сделал резкий шаг ко мне и положил обе руки мне на плечи. Со стороны этот жест выглядел как отчаянная попытка любящего мужа поддержать падающую в обморок супругу. Но на деле его сильные пальцы больно впились в мои ключицы, намертво фиксируя меня на месте. От этого жесткого рывка моя обожженная рука дернулась, и по предплечью до самого локтя прокатилась обжигающая

волна боли. Я стиснула зубы, чтобы не застонать.

- Врача! - раскатисто, с идеально выверенной дозой паники крикнул Слава, оборачиваясь к снующим по залу людям.
- Пожалуйста, срочно позовите медиков!

Затем он снова посмотрел на меня. На его подтянутом лице застыла маска глубокой, мученической скорби доброго психиатра, склонившегося над безнадежным пациентом.

- Марисса, Господи, что ты такое несешь? Какой кот? Какие сумки? У тебя галлюцинации от угарного газа, милая! Дыши глубже!

Алла, сидящая на казенном гимнастическом мате у шведской стенки, мгновенно считала свою роль. Тихая бухгалтерша не стала вступать в перепалку или возмущаться. Она испуганно сжалась в своем безупречно чистом, светлом бежевом кардигане, судорожно прижимая к себе щуплого сына с ингалятором в руках. Визуально она создала стопроцентно рабочий образ незащитной, затравленной жертвы, столкнувшейся с необъяснимой агрессией.

На крик Славы начали оборачиваться люди. Измотанные эвакуацией беженцы на брезентовых раскладушках, суесящиеся волонтеры, наши соседи по дачному поселку.

Сквозь пульсацию в обожженной ладони я с кристальной, безжалостной ясностью увидела нас глазами этой случайной толпы. Контраст был уничтожающим.

Слава возвышался посреди зала как благородный, уставший герой. Его чуть тронутая сединой шевелюра лежала во-

лосок к волоску, свежая голубая сорочка не несла на себе ни единого следа лесной гари. Он спас чужого больного ребенка, он утешал рыдающую дочь.

А перед ним стояла я. Мои светлые льняные шорты, в которых я еще вчера так старательно нарезала овощи для семейного обеда, превратились в грязные тряпки, густо заляпанные жирной серой сажей. Лицо было покрыто липкой маской из копоти, слез и пота. Волосы спутались в жесткий колтун. Я выглядела как городская сумасшедшая, которую только что вытащили из теплотрассы.

Слава знал, как работает социум. И он использовал мой изуродованный катастрофой вид как свое главное, железобетонное доказательство.

- Она на учете у психиатра не состоит, - вполголоса, но с блестящей театральной акустикой, чтобы слышали соседи, скорбно произнес муж, обращаясь к подросшему волонтеру в оранжевой жилетке. - Но там возрастные изменения... тяжелый климакс, сосуды ни к черту, перепады настроения. А теперь этот страшный верховой пожар, кислородное голодание, шок от эвакуации. У жены начался острый психоз. Она не понимает, где находится, ревнует меня к счастливо спасенным погорельцам, придумывает какие-то нелепые вещи. Ей срочно нужна медицинская помощь.

По толпе пробежал гулкий, сочувствующий шепоток. Я видела, как в глазах совершенно незнакомых мне людей загорается жалость пополам с брезгливой опаской.

Где-то глубоко внутри, под ребрами, заворочался первобытный, животный порыв. Мне хотелось заорать. Хотелось вцепиться здоровой левой рукой в идеальный воротник мужа, подтащить его к синей переноске и заставить смотреть на этого чертова кота. Хотелось кричать толпе, чтобы они открыли эти дорожные сумки и посмотрели на аккуратные стопки чужого нижнего белья. Никто не спасается от стены огня с выглаженными вещами и отсортированными документами!

Но холодный, расчетливый мозг бывшей чертежницы намертво заблокировал голосовые связки.

Горькая, спасительная ирония заключалась в том, что тридцать лет брака превратили меня в идеальную жертву для этой сцены. Если я сейчас повышу голос. Если попытаюсь грубо сбросить его сильные руки со своих плеч. Если начну в истерике тыкать пальцем в Аллу и кричать правду... я лишь выдам им стопроцентное, визуальное безупречное подтверждение его диагноза. Я слишком хорошо знала правила этой игры. Слава годами дрессировал меня, заставляя сомневаться в собственной памяти, приучая извиняться за свои же подозрения. Каждое мое правдивое обвинение будет аккуратно подшито к его версии о "возрастной паранойе". Мой муж выстроил математически идеальный парадокс, в котором любая моя попытка защититься лишь доказывала мое сумасшествие.

Я сглотнула сухой, колющий воздух спортзала. У меня

оставался только один шанс пробить этот фасад. Одна зацепка.

Я медленно повернула голову к Снежанне. Моя взрослая дочь стояла всего в двух шагах от нас, крепко прижимая к себе перепачканного пятилетнего Матвея. Она видела всё. Она слышала телефонный звонок. Она точно знала хронологию этого ада. Слава сам клялся ей, что прорывается по заброшенной лесовозной просеке, а не едет по асфальтированной объездной трассе, где якобы подобрал эту женщину. Две эти дороги находились на разных концах горящего района.

- Снежа, - мой голос прозвучал надтреснуто, но твердо.
- Посмотри на меня. Ты же сама слышала по телефону, что он...

- Мама, пожалуйста, прекрати! - Снежанна резко, в животном ужасе отшатнулась от меня, словно я была заразной.

Ее реакция ударила меня под дых сильнее, чем раскаленный ветер на улице. В ее покрасневших от дыма и слез глазах не было ни капли сомнения в отце. Там плескался чистый, леденящий страх передо мной.

- Папа нас чуть не спас! - истерично взвизгнула дочь, размазывая сажу по щекам дрожащими пальцами с облупившимся маникюром. - Он сам чуть не сгорел там заживо ради нас, а ты устраиваешь этот больной позор при всех! Ты пугаешь детей, мама! Перестань!

Она сделала еще один судорожный шаг назад и буквально спряталась за широкую, надежную спину своего отца-героя.

Для инфантильного разума Снежанны выбор был очевиден и прост. Признать правоту моих слов означало признать, что ее всемогущий, любящий папа хладнокровно оставил ее и ее детей задыхаться в запертом поселке. Это разрушило бы весь ее уютный мир до самого основания. Гораздо проще и безопаснее было поверить в то, что у стареющей матери просто поехала крыша на фоне дыма и климакса.

Слава мученически закрыл глаза и тяжело вздохнул. Он мягко, отечески погладил спрятавшуюся за него дочь по руке, безупречно отыгрывая роль благородного патриарха, который из последних сил держит на своих плечах рушащуюся семью.

Толпа зевак почтительно расступилась. По узкому проходу между разложенными на деревянном полу гимнастическими матами, громко гремя пластиковыми замками оранжевого чемоданчика, к нам спешил дежурный врач скорой помощи. У него было серое от хронической усталости лицо и цепкий, профессиональный взгляд человека, привыкшего купировать чужие истерики одним отточенным движением.

Я смотрела на приближающегося медика, чувствуя, как невыносимо пульсирует ожог на моей правой руке. Капкан идеальной лжи, который мой муж кропотливо собирал годами, только что с сухим треском захлопнулся, намертво перебив мне кость.

Глава 11. Предательство крови

- Что здесь происходит? Пожалуйста, освободите проход к пациентке!

Голос дежурного врача скорой помощи разрезал душный, пропахший корвалолом, потом и мокрой гарью гул школьного спортзала. Мужчина в мятой синей униформе с тяжелым оранжевым пластиковым чемоданчиком в руках с трудом протиснулся сквозь плотное кольцо зевак, которые всегда стягиваются к чужому скандалу быстрее, чем к пункту выдачи воды.

Мой муж отреагировал с грацией профессионального фехтовальщика. Он не стал суетиться, не попытался отступить назад или повысить голос. Слава сделал мягкий, защищающий шаг вперед, буквально заслоняя меня своим телом от толпы, и заговорил с доктором доверительным, извиняющимся полупшепотом. Этот шепот, благодаря безупречной дикции человека, привыкшего вести долгие переговоры с поставщиками оборудования, идеально разносился вокруг.

- Доктор, слава богу, что вы здесь. У жены тяжелейший шок, - Слава мастерски добавил в голос легкую, контролируруемую дрожь. - Гипоксия на фоне отравления угарным газом. Плюс у нее в анамнезе тяжелый возрастной гормональный криз, сосуды совершенно не держат нагрузку... Она только что пережила страшную эвакуацию и совершенно потеряла

связь с реальностью. Бросается на людей, которых я пятнадцать минут назад вытащил из огня на обочине. Ей мерещатся какие-то заговоры.

Я стояла ровно. Моя правая кисть, туго спеленатая свежими белоснежными бинтами, пульсировала так, словно под слоями марли билось отдельное, раскаленное и очень злое сердце. Боль была тяжелой, влажной, она простреливала по нервам до самого локтя, не позволяя мне отвлечься от физической реальности ни на секунду.левой рукой я крепко, до побелевших костяшек, сжимала ремень нашей тяжелой парусиновой сумки с документами, перекинутый через плечо. Вес этой сумки врезался в ключицу, заземляя меня, не давая взлететь в тот уютный туман истерики, куда меня так настойчиво толкал муж.

- Я в абсолютном адеквате, - произнесла я. Мой голос прозвучал надтреснуто, сухо, словно я глотала песок, но совершенно спокойно. - Я просто спросила мужа, почему беженцы с трассы забираются в чужую машину с идеально упакованным домашним архивом в пластиковых папках и породистым животным в целой переноске. Посмотрите туда. Никто не спасается от огня с выглаженными вещами.

Доктор, измотанный многочасовой сортировкой погорельцев, нахмурился. Он перевел уставший взгляд с моего перемазанного жирной сажей лица на благородную, ухоженную седину Славы и его абсолютно чистую одежду.

И в эту самую секунду механизм контроля, который мой

муж кропотливо выстраивал долгие тридцать лет, сработал безупречно. За счет моей собственной дочери.

- Сделайте что-нибудь! - голос Снежанны сорвался на высокий, по-настоящему истеричный визг, ударивший по перепонкам.

Она даже не смотрела на меня. Моя взрослая, тридцатидвухлетняя девочка, прижимая к груди перепачканного и плачущего пятилетнего Матвея, физически вжималась в спину отца. Ее дрожащие пальцы мертвой хваткой комкали ткань на его плече.

- Она пугает детей! - зарыдала дочь, пряча лицо, чтобы не встречаться со мной взглядом. - Папа нас чуть не спас! Он сам чуть не сгорел там заживо в лесу, пытаюсь к нам прорваться, а мама несет какой-то больной бред! Пожалуйста, доктор, уколите ей что-нибудь, она же сейчас набросится на этих бедных людей!

Десятилетний Кирилл, стоящий рядом с ней, испуганно шмыгнул носом, вытер слезящиеся от дыма глаза кулаком и попятился от меня. От собственной бабушки, которая полчаса назад силой тащила его сквозь стену огня, ломая раскаленный замок на калитке.

Внутри меня ничего не оборвалось. Не было киношного звона в ушах, театрального потемнения в глазах или желания упасть на колени. Мой мозг, натренированный годами строгой чертежной работы на заводе, просто зафиксировал этот факт с холодной, безжалостной ясностью. Снежанне бы-

ло жизненно необходимо цепляться за эту иллюзию. Если бы она сейчас допустила хотя бы мысль о том, что мои слова о чистых сумках и коте - правда, ее картина мира рухнула бы в одночасье. Ей пришлось бы признать, что ее всемогущий, щедрый, любящий папа хладнокровно оставил ее и ее детей задыхаться в запертом дачном поселке ради чужой женщины. Инфантильный, требующий постоянной защиты разум всегда выбирает самую комфортную ложь. Предательство крови свершилось легко, естественно и буднично, под аккомпанемент детского плача.

Толпа сочувствующих зевак вокруг нас одобрительно и жалостливо загудела. Кто-то шепотом упомянул, что дым часто провоцирует приступы шизофрении. И сквозь этот гул прорезался знакомый, безапелляционный и властный женский голос.

- Расступитесь! Дайте пройти специалистам!

Галина Фантастова, заместитель главы нашей городской администрации. Женщина, которую я последние пятнадцать лет по наивности считала своей близкой подругой. Она втиснулась в наш круг, тяжело дыша и раздвигая людей крепкими локтями. На ней был дорогой велюровый спортивный костюм насыщенного сливового цвета, поверх которого на шее нелепо болталась массивная золотая цепь. Галина была из той породы несгибаемых чиновников, которые даже на ночную эвакуацию успевают надеть лучшее из шкафа.

Ее цепкий, оценивающий взгляд опытной аппаратчицы

просканировал мизансцену за долю секунды. С одной стороны - уважаемый бизнесмен, спонсор городских новогодних елок и владелец крупного цеха, мужественно утешающий рыдающую дочь. С другой стороны - я. Стареющая женщина с перебинтованной рукой и покрытым сажей лицом, похожая на городскую сумасшедшую.

Выбор для Галины был очевиден и прост.

- Славочка, - она театрально прижала пухлую, унизанную кольцами руку к груди и шагнула к моему мужу, полностью игнорируя меня. - Какой крест ты несешь, Господи... Машеньке совсем плохо, да? Бедная девочка, сосуды не выдержали этой страшной гари. Я же говорила ей буквально на прошлой неделе - нужно обязательно показаться неврологу, возрастные изменения так коварны. Мы всё понимаем, Слава. Главное, что вы все живы и выбрались.

Она посмотрела на меня поверх плеча мужа с такой густой, липкой смесью социального превосходства, безгливости и показной жалости, что мне захотелось физически отряхнуться. Общество Углекаменска, в лице Галины, вынесло свой быстрый вердикт. В этом затерянном в тайге городе деньги, статус и умение носить правильную маску всегда били правду с разгромным счетом.

Врач, которому нужно было как можно быстрее купировать скандал в переполненном зале и идти к следующим, реально задыхающимся пострадавшим, коротко кивнул санитару. Тот щелкнул металлическими замками чемоданчика и

звякнул стеклянными ампулами.

- Сейчас мы сделаем легкий седативный укол, - примирительно, с интонацией, какую используют для разговора с буйными подростками, заговорил доктор, надламывая ампулу. - Это снимет сосудистый спазм и успокоит вашу нервную систему. Вам нужно просто поспать.

Слава сделал мягкий шаг ко мне. Его сильные руки протянулись, чтобы обхватить мои плечи - якобы для бережной супружеской поддержки. Я слишком хорошо знала этот собственнический жест. Под видом заботы он собирался намертво зафиксировать меня на месте, демонстрируя толпе свою несокрушимую мужскую надежность и мою полную, жалкую беспомощность.

Если бы я сейчас дернулась. Если бы попыталась грубо оттолкнуть его, повысила голос или начала яростно тыкать пальцем в Аллу, требуя от полиции открыть ее дорожные сумки - я бы дала им всем стопроцентное, визуальное безупречное доказательство своего психиатрического диагноза. Я бы сама добровольно затянула на своей шее ту самую петлю, которую Слава так старательно сплел для меня из полупонамёков и снисходительных вздохов.

- Убери от меня руки, - произнесла я тихо, но с такой ледяной, тяжелой, не допускающей возражений интонацией, что Слава инстинктивно, помимо своей воли, замер в полуметре от меня.

Я не стала биться в истерике. Здоровой левой рукой я уве-

ренно потянула вверх грязный рукав своей рубашки, обнажая бледную кожу предплечья. Я шагнула к врачу сама, нарушая выстроенную ими композицию жертвы и спасителей, и протянула ему руку.

- Колите, - сухо сказала я, глядя уставшему медику прямо в расширившиеся зрачки.

Врач на мгновение замер со шприцем в руке. В его воспаленных глазах мелькнуло искреннее замешательство. Сумасшедшие в состоянии глубокого аффекта не ведут себя так. Они не отдают приказы и не контролируют свое тело с такой пугающей, математической точностью. Но ампула уже была вскрыта, препарат набран, а за спиной плотной стеной стоял влиятельный бизнесмен и заместитель главы администрации. Маховик системы не мог дать задний ход ради одной перепачканной гарью женщины.

Ватка, щедро пропитанная спиртом, холодно мазнула по коже. Специфический, резкий медицинский запах на секунду перебил въедливую вонь горелой хвои и торфа. Холодный, короткий укус иглы. Поршень плавно пошел вниз, вгоняя в мою кровь тяжелую, густую химию, призванную стереть мою волю.

Двое крепких санитаров в оранжевых жилетах аккуратно, но предельно жестко взяли меня под локти и повели в дальний конец огромного спортзала, к длинным рядам наспех расставленных брезентовых раскладушек. Я не сопротивлялась. Мои старые кроссовки тяжело шаркали по деревянно-

му лакированному полу с выцветшей баскетбольной разметкой.

Препарат оказался качественным, современным. Он не выключил сознание по щелчку пальцев, как это бывает в глупых мелодрамах, где уставшая героиня падает в спасительный обморок. Он подействовал реалистично и неотвратно. Сначала ватной, непослушной тяжестью налились икры. Затем острая, режущая пульсация в обожженной правой ладони стала глухой, отдаленной, словно болела не моя рука, а чья-то чужая. Звуки зала - плач младенцев, надрывный гул дизельных генераторов за стеклопакетами, сухие переговоры спасателей по портативным рациям - слились в один ровный, густой, как кисель, фоновый шум.

Меня усадили на жесткий, натянутый брезент, и я медленно, не в силах сопротивляться гравитации, откинулась на казенную подушку без наволочки.

Сквозь полуприкрытые, налитые свинцом веки я смотрела на другой конец зала, туда, к шведской стенке. Расстояние надежно скрадывало слова, но пантомима была предельно красноречивой. Слава сидел на деревянной скамейке, обнимая Снежанну. Он что-то ласково, успокаивающе говорил ей, поглаживая по волосам, и протягивал пластиковый стаканчик с горячим чаем. Дети испуганно жались к его ногам. Идеальный, непогрешимый патриарх, сохранивший свою семью в эпицентре страшной стихии.

Чуть поодаль, на зеленом гимнастическом мате, тихо си-

дела Алла. Она заботливо кутала в клетчатый плед своего сына, всем своим видом стараясь не вмешиваться в трогательную семейную сцену Снежанны. Безупречно тихая, незаметная, счастливо спасенная случайная женщина.

И тут я увидела это. То, чего ни за что не заметила бы Снежанна, ослепленная слезами облегчения, или Галина, ослепленная высоким социальным статусом моего мужа.

Слава, продолжая ритмично гладить дочь по плечу, на долю секунды поднял глаза на Аллу. А она в этот же миг подняла взгляд на него.

Это был микроскопический, невероятно быстрый визуальный контакт. В нем не было ни грамма животного страха людей, только что вырвавшихся из верхового лесного пожара. Там было лишь сугубо деловое, холодное, расчетливое понимание двух сообщников. Глубокое облегчение от того, что критический момент пройден, спектакль сработал безупречно, и главную свидетельницу их комфортной, запланированной эвакуации удалось успешно обезвредить медицинским путем.

Я смотрела на этот невидимый мост, проложенный между ними над головой моей рыдающей дочери, и химия в моей крови парадоксальным образом замораживала любые остатки боли, паники или привычной женской обиды.

Слава победил в этом раунде. Он играючи использовал мой шок от катастрофы, мою физическую травму и слепую, инфантильную любовь моей дочери, чтобы закатать меня

в бетон общественного презрения. Бороться с ним на поле эмоций, кричать, пытаться доказывать свою правоту обществу Углекаменска было равносильно попытке пробить головой глухую стену угольного забоя. В глазах толпы он всегда будет логичнее, благороднее, чище и убедительнее меня.

Мои веки окончательно отяжелели. Мозг медленно, неотвратно погружался в вязкий химический сон, но последняя мысль перед тем, как спасительная темнота спортзала сомкнулась надо мной, была кристально чистой. Чтобы навсегда уничтожить идеально отлаженный, сложный механизм, не нужно бить по нему кувалдой на глазах у всех зевак. Нужно просто вытащить из него одну-единственную, базовую деталь, на которой всё держится. Меня.

Глава 12. Осколки

- Пей, Марисса. Врач скорой настаивал - по одной капсуле утром и вечером, чтобы снять последствия острой гипоксии и стабилизировать твои сосуды.

Голос Славы звучал бархатно, ровно и терапевтически успокаивающе. Как монотонное, надежное гудение нашего дорогого немецкого холодильника, который прямо сейчас исправно морозил на своей нижней полке фермерские овощи и кусок парной свинины.

Я сидела за кухонным столом в нашей просторной, залитой утренним солнцем городской квартире. На мне была старая, выцветшая серая хлопковая футболка, которую я с огромным трудом натянула вчера глубокой ночью, наотрез отказавшись от снисходительной помощи мужа. Моя правая кисть, туго спеленатая свежими белоснежными бинтами, тяжело и неподвижно покоилась на прохладной поверхности столешницы из искусственного камня.

Ожог второй степени не прошел по мановению волшебной палочки, как это бывает в плохих бульварных романах, где героиня просыпается свежей и готовой к бою. Под плотными слоями марли, там, где уставший дежурный хирург безжалостно срезал медицинскими ножницами лопнувшие термические волдыри, пульсировала глубокая, влажная боль. Она билась в такт сердцу, простреливая по натянутым

нервам до самого локтя при малейшем, даже рефлекторном движении пальцев.

Но эта грубая, животная, чисто физиологическая боль была моим единственным спасением. Она работала как тяжелый свинцовый якорь, не давая мне окончательно провалиться в вязкое, синтетическое болото собственного разума. Мощный транквилизатор, вколотый мне вчера в школьном спортзале, все еще бродил в крови тяжелыми волнами. Он сделал ноги ватными, а звуки - слегка приглушенными, плоскими, словно я слушала этот мир через слой толстой полиэтиленовой пленки.

Память подкидывала вчерашний вечер рваными, тусклыми кусками. Я помнила, как Слава, поддерживая меня под локоть с фальшивой бережностью, вел меня к своему абсолютно чистому, не тронутому огнем внедорожнику на школьной парковке. Как он раздавал указания Снежанне, полностью контролируя ситуацию и подтверждая свой статус безупречного решателя проблем в глазах окружающих.

Мой муж стоял у плиты. Он был визуально безупречен. Никакой растерянности, никаких суетливых движений или бытовой беспомощности, свойственной стареющим мужчинам, чьи жены внезапно выпадают из привычного графика обслуживания. Слава всегда контролировал свое пространство от и до. На нем были свежие, идеально выглаженные льняные домашние брюки и чистое светлое поло. Он виртуозно, отточенными годами движениями сварил кофе в доро-

гой итальянской рожковой кофемашине и теперь аккуратно выкладывал на фарфоровую тарелку глазунью с поджаренным беконом. Он точно знал, на какой полке лежит оливковое масло, и где прячется мельница с черным перцем. В этом доме не было пустых кастрюль или унылых полуфабрикатов.

- Снежа с внуками у себя дома, - продолжал он, ставя передо мной горячую тарелку и высокий стеклянный стакан с отфильтрованной водой. Запах жареного бекона и терпкого кофе смешался с едва уловимым, тяжелым ароматом его сандалового парфюма. - Девочки отходят от стресса. Матвей спал плохо, плакал под утро, но Кирилл вроде в норме, уже требует свой планшет. Я всё уладил, Маша. Договорился с бригадой строителей, они сегодня же поедут на дачу оценивать ущерб от огня. Фасадную часть деревянного забора придется ставить новую,ковка поплавилась, но сам дом и крыша целы. Ветер вовремя ушел в сторону тайги.

Он отодвинул стул и сел напротив меня. В его карих глазах плескалась идеальная, кинематографическая забота. Лицо благородного спасителя, утомленного, но не сломленного жестокими обстоятельствами.

- Тебе нужно всерьез лечить сосуды, дорогая. Вчерашний срыв - это классическая реакция на угарный газ, помноженная на твой нестабильный гормональный фон. Плюс этот животный ужас с эвакуацией, который ты пережила... Я уже созвонился с Михаилом Аркадьевичем из областной клиники. Это отличный специалист по возрастным неврозам. Мы по-

ложим тебя в хороший, тихий частный санаторий на пару недель. Там сосны, чистый воздух, массажи. Тебе нужен абсолютный покой и правильная, жесткая медикаментозная терапия.

Я смотрела на него сквозь прозрачную, липкую стену химического похмелья. Мой мозг, натренированный в молодости годами строгой чертежной работы на заводе, где крошечная ошибка в миллиметр означала крах всего тяжелого механизма, холодно и безжалостно препарировал его слова.

Слава не собирался со мной разводиться. Ему совершенно не нужен был грязный публичный скандал, долгая унижительная дележка совместно нажитого имущества или статус брошенного мужа в нашем маленьком, тесном Углекаменске, где все друг друга знают со школьной скамьи. Ему нужна была удобная, официальная жена-ширма. Надежный, проверенный годами тыл. Только теперь, благодаря вчерашнему мастерскому спектаклю и поставленному на глазах у толпы клейму городской сумасшедшей, эта жена становилась абсолютно бесправной, декоративной функцией.

Он планировал плотно посадить меня на таблетки, спрятать в уютной клинике или запереть в этой квартире, чтобы я больше не отсвечивала, пока он будет спокойно, rispetабельно и с огромным комфортом строить свою вторую жизнь с Аллой. Гениальный, безотходный инженерный расчет психопата.

Я не притронулась к еде. Моя левая, здоровая рука мед-

ленно, деревянным движением пододвинула стакан с водой и бело-голубую капсулу транквилизатора обратно к центру стола, подальше от себя.

- Чемоданы с чистыми трусами и документами тоже собрал угарный газ, Слава? - мой голос прозвучал сухо, надтреснуто, но в нем не было ни единой истеричной нотки, ни единой слезы. Я просто констатировала факт. - И британского кота в пластиковую переноску аккуратно посадил мой надвигающийся климакс?

Тишина на кухне мгновенно стала плотной, тяжелой, как прессованный угольный брикет. Только кондиционер над дверью продолжал монотонно, бездушно гнать в комнату охлажденный воздух, отрезая нас от внешнего мира, все еще пропахшего гарью.

Слава замер. Его рука с кофейной чашкой остановилась на полпути к губам. Я физически видела, как за долю секунды его изворотливый мозг просчитывает изменившиеся вводные данные. Мы были абсолютно одни. Вокруг не было рыдающей дочери, впечатлительных соседей или дежурных врачей, которых нужно было убеждать в своем бескорыстном благородстве. Маска заботливого мужа потеряла свою функциональность, и он сбросил ее так же легко и обыденно, как снимал уличную обувь в прихожей.

Он медленно поставил чашку на блюдце. Тонкий дорогой фарфор издал резкий, сухой щелчок, резанувший по нервам. Слава плавно подался вперед, опираясь обеими руками на

каменную столешницу. Он навис надо мной, вторгаясь в мое личное пространство, подавляя своим физическим авторитетом и безупречным внешним видом.

- Кому ты это докажешь, Маша? - его голос упал до тихого, жесткого, делового шепота, от которого по позвоночнику под хлопковой футболкой скользнул первобытный, ледяной холод.

В этом шепоте не было ни грамма раскаяния. Не было вины изменника, пойманного с поличным, или нелепой попытки неуклюже оправдаться. Это был ровный голос опытного, сытого хищника, который снисходительно объясняет загнанной жертве, почему сопротивление абсолютно нецелесообразно.

- У тебя в медицинской карте со вчерашнего вечера официально зафиксирован острый нервный срыв, гипоксия и галлюцинации, - чеканя каждое слово, произнес муж, не сводя с меня потемневших глаз. - Наша Снежа верит мне. Она своими глазами видела, как ты бросалась на ни в чем не повинных людей, которых я вытащил с обочины. Твоя драгоценная подруга Галя и половина администрации города были свидетелями твоей нелепой истерики в спортзале. Я - уважаемый бизнесмен. Человек, который содержит эту семью, дает рабочие места половине города и спонсирует школы. А ты - просто стареющая женщина, которая надышалась ядовитым дымом на своей вонючей рыбной ферме.

Он чуть склонил голову набок, внимательно, как врач-па-

тологоанатом, изучая мое бледное лицо.

- Успокойся, Марисса. Выпей свои таблетки. Прими реальность. Я обеспечу тебе полный комфорт, у тебя всегда будут деньги, чистый дом, дача и моя всесторонняя забота. Я не оставлю тебя. Но если ты дернешься... Если попытаешься открыть рот и выставить меня посмешищем в городе - я просто закрою тебя в психиатрической клинике. В хорошей, закрытой, очень дорогой платной клинике. И знаешь что? Все мне только посочувствуют. Люди скажут: какой молодец Вячеслав, не развелся, не бросил больную жену, несет свой тяжелый крест.

Его слова были страшнее любого крика, страшнее удара наотмашь по лицу. Они вонзались под кожу, парализуя волю эффективнее любого медицинского препарата. Он действительно всё продумал до мельчайших деталей. Общество пыльного Углекаменска, где статус, деньги и умение носить правильную маску всегда били правду с разгромным счетом, с радостью примет его версию. Моя собственная дочь, инфантильно цепляющаяся за иллюзию всемогущего папы, уже предала меня, выбрав комфортную ложь. Я была замурована заживо в бетонной стене его кристальной репутации.

На столешнице, прямо возле хромированной перечницы, коротко и требовательно завибрировал его смартфон.

Слава мгновенно выпрямился. Его лицо разгладилось, жесткие, жестокие складки у губ исчезли, уступая место привычному деловому выражению человека, решающего про-

блемы мирового масштаба. Он взглянул на светящийся экран, нажал кнопку ответа и уверенным шагом направился в сторону своего рабочего кабинета.

- Да, Петрович. Что по складам? Огонь до промзоны не дошел? Отлично. Готовьте сметы по убыткам и списывайте часть той проблемной китайской партии под шумок, пока пожарные возятся с отчетами. Я буду у вас через час.

Массивная дверь кабинета плотно закрылась за ним, отсекая звук.

Я осталась одна в нашей идеальной, вылизанной до блеска кухне. Транквилизатор накатывал вязкими, удушливыми волнами, физиологически уговаривая меня закрыть глаза, лечь на стол, подчиниться. Сдаться всегда проще. Проще выпить бело-голубую капсулу, позволить ему оплатить путевку в санаторий и жить дальше, делая вид, что ничего не произошло. Тысячи женщин моего возраста живут именно так. Сглаживают острые углы, терпят сладковатый запах чужого парфюма на воротниках, прячутся за фасадом благополучной, сытой семьи, до животной дрожи боясь остаться ни с чем.

Я опустила взгляд на свою изуродованную ожогом правую руку. Бинты на костяшках слегка пропитались желтоватой сукровицей. Боль пульсировала, властно требуя внимания, дергая за оголенные нервы.

Я вспомнила, как вчера вцепилась этой голой плотью в раскаленную кованую калитку на даче. Как рванула плавя-

щийся металл на себя, срывая собственную кожу, просто потому, что мне жизненно необходимо было вывести детей из огня на дорогу. В тот момент я не ждала мужа-спасителя. Я не сомневалась в своей адекватности. Я просто действовала, опираясь только на собственные, осязаемые силы.

Холодная, математическая логика начала пробиваться сквозь химический туман, разгоняя липкий страх.

Слава был абсолютно прав в своих расчетах. На поле эмоций, криков, скандалов и общественного мнения он меня гарантированно уничтожит. У него есть ресурсы, связи в администрации и безупречный фасад щедрого благодетеля. Бороться с ним его же оружием, пытаться что-то доказывать соседям, Галине или Снежанне - значит добровольно надеть на себя ту самую смиренную рубашку, которую он для меня заботливо подготовил.

Но чтобы сломать идеально отлаженный, сложный производственный механизм, инженеру не нужно бить по нему кувалдой на глазах у толпы зевак. Это пустая трата энергии. Нужно просто хладнокровно, без лишнего шума вытащить из него одну-единственную базовую деталь, на которой держится вся многотонная конструкция. Лишить систему точки опоры.

Мой взгляд медленно скользнул в просторный коридор. На тумбочке из темного орехового дерева, рядом с бронзовой лопаткой для обуви, лежала тяжелая связка металлических ключей. Ключей от этой четырехкомнатной квартиры.

Слава так долго, методично и властно контролировал всё вокруг, что искренне поверил, будто владеет каждой пылинкой в этом доме. Он сделал здесь дорогой дизайнерский ремонт, он купил эту итальянскую мебель, он ежемесячно оплачивал коммунальные счета. Но бетонные перекрытия, несущие стены и зеленое свидетельство о праве собственности, лежащее в домашнем сейфе, принадлежали исключительно мне. Эта квартира досталась мне по наследству от родителей еще за два года до нашего официального брака. Она не являлась совместно нажитым имуществом. Юридически, по всем сухим документальным нормам закона, великий и ужасный бизнесмен Вячеслав Светлов был здесь лишь временно прописанным гостем.

Я медленно, тяжело поднялась из-за стола. Колени предательски хрустнули, поясницу остро заломило от вчерашнего физического перенапряжения во время эвакуации. Я не была молодой, дерзкой героиней из глянцевого сериала, способной вскочить на высокие каблуки и одним взмахом накрашенных ресниц изменить свою жизнь. Я была пятидесятипятилетней, смертельно уставшей женщиной с обожженной рукой, которую только что накачали седативными препаратами.

Но внутри меня больше не было сомнений. Внутри меня расцветала пронзительная, отрезвляющая пустота, похожая на черную ледяную воду карьера на моей ферме. Мой муж хотел оставить меня в этой квартире как удобную, безмолв-

ную декорацию для своей кристальной репутации. Но декорации иногда падают, ломая кости главным актерам.

Я миновала кухню, прошла по коридору и толкнула массивную деревянную дверь в нашу спальню. Воздух здесь приятно пах свежим, дорогим постельным бельем.

Я подошла к огромному встроенному шкафу-купе. Зеркальная створка с тихим шелестом отъехала в сторону, открывая вид на идеальный, маниакальный порядок моего мужа. Выглаженные брендовые сорочки висели строго по цветовой гамме, от кипенно-белых до темно-синих. Дорогие шелковые галстуки были свернуты аккуратными улитками в специальных выдвижных ячейках. На нижней полке ровным строем стояли кедровые обувные колодки с начищенной замшевой и кожаной обувью.

Моя здоровая левая рука потянулась вверх. Пальцы нащупали гладкую, прохладную ручку большого кожаного чемодана, который Слава всегда брал в свои длительные деловые командировки. Чемодан был тяжелым, громоздким, но я с силой потянула его на себя, заставляя мышцы плеча работать на пределе. Он с глухим, тяжелым стуком свалился на пушистый бежевый ковер прямо у моих ног.

Я тяжело опустилась на колени. Щелкнула двумя металлическими замками, откидывая жесткую крышку назад.

Я запустила левую руку в безупречный строй его рубашек и с силой сдернула первую партию прямо вместе с деревянными плечиками. Дорогой итальянский хлопок жалко смял-

ся под моими грубыми пальцами. Я бросила их на дно пустого чемодана. Следом полетели галстуки. Я не сортировала их по цветам, не складывала аккуратными квадратами, как покорно и заботливо делала это перед его поездками последние тридцать лет. Я просто сгребала их в бесформенную кучу, безжалостно разрушая его математически выверенный, священный порядок.

Шелковые ткани скользили, неприятно цепляясь за шершавые края бинтов на моей правой руке, но я не останавливалась.

Слава выстроил для себя идеальную, пуленепробиваемую зону комфорта. Он был уверен, что я буду сидеть на кухне, глотать его химические подачи и молча переваривать выдвинутый ультиматум. И в чем-то он был прав - я действительно до одури боялась. Боялась остаться одна в пустой квартире, боялась окончательно потерять доверие единственной дочери, боялась снисходительных, жалящих улыбок бывших друзей в городе.

Но вчерашний огонь выжег этот липкий страх дотла. Когда ты видишь, как плавится пластик на чужих домах, а твой собственный внук синееет и задыхается от гари, социальные условности перестают иметь хоть какое-то значение. Мой муж хладнокровно оставил нас там умирать ради того, чтобы безопасно и с комфортом вывезти чужие документы и кота. Это был не минутный порыв паники. Это был осознанный, выверенный выбор законченного эгоиста.

Мои движения становились все более резкими, механическими. С каждым небрежно брошенным в чемодан предметом одежды дышать в спальне становилось чуть легче. Тяжелая химия в крови отступала перед натиском чистого, холодного адреналина.

Мой взгляд упал на прикроватную тумбочку. Там лежала тяжелая бархатная шкатулка с его коллекцией швейцарских механических хронографов. Его главная гордость. Символ его абсолютного контроля над временем и людьми. Я смахнула шкатулку левой рукой, и она тяжело, весомо плюхнулась поверх смятых рубашек в кожаное нутро чемодана.

Квартира вокруг меня была наполнена тиканьем настенных часов, ровным гудением бытовой техники и далеким, приглушенным шумом машин за пластиковыми окнами. В кабинете за стеной Слава властным голосом отдавал очередные распоряжения подчиненным, спасая свой завод. Он был железобетонно уверен в своей полной безнаказанности.

Я закрыла крышку чемодана и надавила на нее коленом, чтобы застегнуть тугую металлическую молнию. Боль в правой руке снова напомнила о себе яростным, горячим уколом, но я только крепче стиснула челюсти.

Моя жизнь не закончилась вчера в том душном спортзале. Она только что началась. Я поднялась на затекшие ноги, крепко ухватила здоровой рукой за телескопическую ручку чемодана и потянула его в коридор. Пластиковые колесики оставляли на пушистом ворсе ковра глубокие, неровные

борозды. С идеальным фасадом было покончено.

Глава 13. Ключи и пепел

- Улица Строителей, дом сорок два, новостройка бизнес-класса, квартира восемьдесят один. Код от домофона я не знаю, но уверена, что у тебя есть магнитный чип.

Тяжелая связка металлических ключей с глухим, почти неприличным в этой стерильной тишине лязгом упала на толстую кожу дорожного чемодана. Я не швырнула их с театральной размахом. Я просто разжала пальцы левой, здоровой руки, позволив гравитации и металлу сделать свое дело. Моя изуродованная ожогом правая кисть, туго спеленатая свежими белоснежными бинтами, тяжело и неподвижно покоилась на животе. Под слоями марли, там, где уставший дежурный хирург безжалостно срезал лопнувшие пузыри, ритмично, в такт сердцебиению пульсировала глубокая, влажная боль.

Слава, только что вышедший из своего кабинета в коридор после очередного телефонного разноса подчиненных, замер.

Его шаг оборвался так резко, словно он наткнулся на невидимую стеклянную стену. На долю секунды на его ухоженном, подтянутом лице мелькнуло выражение снисходительного удовлетворения. Мой муж, привыкший всегда быть на шаг впереди, решил, что я сама собрала свои вещи, покорно согласившись поехать в тот самый тихий частный пси-

хиатрический санаторий, которым он угрожал мне на кухне всего десять минут назад.

Но затем его мозг, натренированный на чтение сложных производственных смет, обработал произнесенный мной адрес.

Моя память чертежницы, привыкшая всю молодость держать в голове десятки ГОСТов и миллиметровых допусков, никогда не давала сбоев. Даже если Слава годами пытался убедить меня в обратном. Два года назад он положил передо мной на стол распечатанный бланк нотариального согласия супруги на покупку недвижимости. Он тогда вальяжно пил свой двойной эспрессо и объяснял, что это невероятно выгодная инвестиция, квартира на этапе котлована, которую мы потом будем выгодно сдавать. Я подписала бумагу не глядя, как делала всегда, полностью доверяя его финансовому гению.

Инвестиция оказалась с грудью третьего размера, бежевым кардиганом и породистым британским котом.

Я смотрела, как меняется лицо моего мужа. Это было поистине завораживающее зрелище, сродни тому, как сходит весенний лед на реке, обнажая темную, грязную воду. Маска скорбящего спасителя, благородного героя и мудрого патриарха сползла, потеряв всякую функциональность. Зрителей больше не было. Снежанна отсиживалась у себя дома, бывшая подруга Галина не могла заглянуть в замочную скважину, а врачи скорой помощи уехали к реальным погорельцам.

Играть было не для кого.

Слава медленно выпрямился. Никаких криков, никаких сжатых кулаков или летящей в стену посуды. Он не был жалким бытовым истериком. Он был опытным, сытым хищником, которого внезапно лишили привычного, удобного укрытия. Контраст между нами в эту секунду был ослепительным, почти карикатурным. На нем были свежие, безупречно выглаженные льняные домашние брюки и светлое поло, от которого тонко, дорого пахло сандалом. На мне - старая, выцветшая серая хлопковая футболка, грязные, спутанные волосы, намертво пропитанные запахом лесной гари, и уродливый белый кокон из бинтов на руке.

- И что это значит, Маша? - его голос упал на октаву ниже, превратившись в ледяной, деловой шепот.

Он не стал отпираться. Не стал делать круглые глаза и спрашивать, о каком адресе идет речь. Оправдываются только те, кто чувствует вину. Слава вины не чувствовал. Он лишь просчитывал убытки.

- Это значит, что твои шелковые галстуки уже лежат внутри, вместе с коллекцией твоих часов, - ровно ответила я. - Забирай чемодан и уходи.

Муж чуть склонил голову набок. Его карие глаза ощупали меня с ног до головы, словно он оценивал степень износа бракованной детали перед списанием на заводскую свалку.

- Ты сейчас находишься под действием тяжелых транквилизаторов, - произнес он с интонацией банковского клерка,

отказывающего в кредите. - Твоя нервная система истощена, ты не отдаешь себе отчета в последствиях своих действий. Куда ты меня выгоняешь? Из моей собственной квартиры, в ремонт которой я вложил миллионы?

- Из моей квартиры, Слава, - я не позволила себе повысить голос ни на полтона. - Зеленое свидетельство о собственности, оформленное на меня за два года до нашего брака, лежит в сейфе. Ты здесь просто прописан. Ремонт ты можешь аккуратно отковырять от несущих стен, если у тебя есть на это время. Но жить ты здесь больше не будешь.

Тишина в коридоре стала такой плотной, что казалось, ее можно резать ножом. Кондиционер над входной дверью продолжал монотонно, бездушно гнать в помещение охлажденный воздух, пытаясь вытеснить въевшийся запах дыма.

Слава сделал мягкий шаг ко мне. Я не дрогнула и не отступила назад.

- Давай посчитаем, дорогая, - мягко, почти ласково предложил он, вторгаясь в мое личное пространство. - Ты выгоняешь меня из дома. Прекрасно. Что дальше? У тебя на личной карте ровно столько денег, чтобы пару раз сходить в супермаркет за хлебом. Доступа к счетам бизнеса у тебя больше нет. Снежа до смерти напугана твоим вчерашним поведением и не ответит даже на твой звонок, она абсолютно уверена, что у тебя старческая деменция или острый психоз.

Он сделал крошечную паузу, позволяя своим словам ядовитой слизью впитаться в мое сознание.

- Городская администрация, врачи, наши соседи - все они видели твою нелепую истерику в спортзале. Для общества Углекаменска ты с сегодняшнего дня - официальная городская сумасшедшая. Я не собираюсь с тобой разводиться, Маша. Мне не нужны эти грязные суды и бумажная волокита. Я просто оставлю тебя здесь одну. Я закрою финансовый кран. Ты будешь сидеть в этих четырех стенах, жрать дешевые макароны и слушать, как тикают часы. Без дочери, без внуков, без подруг. Через месяц ты взвоешь от одиночества и тоски. Ты сама мне позвонишь. Ты будешь умолять меня вернуться и простить эту жалкую сцену. Потому что без меня, Марисса, ты - абсолютный, стерильный ноль.

Его слова не были пустыми угрозами обиженного самца. Это был абсолютно точный, выверенный психологический расчет. Слава бил в мои самые глубокие страхи, которые сам же заботливо выращивал во мне последние тридцать лет. Страх остаться без средств к существованию. Страх быть отвергнутой собственным ребенком. Страх стать посмешищем в глазах соседей.

Еще вчера утром, услышав такое, я бы осела на пол, закрыла лицо руками и начала судорожно искать компромисс. Я бы уговаривала себя, что худой мир лучше одиночества, что все мужики изменяют, что нужно потерпеть ради статуса и семьи, пока он не нагуляется.

Но вчерашний огонь выжег эту удобную, трусливую женщину до самого основания. Когда ты чувствуешь, как пла-

вится металл под твоими голыми пальцами, когда твой внук задыхается от дыма, а твой идеальный муж в этот момент бережно пакует в чистую сумку чужого британского кота, социальные условности испаряются вместе с кислородом.

Я не стала отвечать на его тираду. Слова были его территорией, его стихией. Вступать с ним в дискуссию означало добровольно надеть на себя ту самую смирительную рубашку, которую он так старательно для меня пошил. Мой ответ лежал исключительно в физической плоскости.

Я просто повернулась к нему спиной. Сделала два коротких шага к массивной, бронированной входной двери. Здоровой левой рукой я уверенно нажала на тяжелую металлическую ручку. Раздался сухой щелчок защелки. Я потянула дверь на себя, распахивая ее настежь.

Из подъезда потянуло сквозняком, пахнущим дешевой хлоркой и бетонной пылью. Я молча отошла в сторону, освобождая проход, и посмотрела на мужа. Этот жест не терпел никаких интерпретаций, дискуссий или двойных смыслов.

Слава понял всё. В его карих глазах мелькнула острая, колючая вспышка подлинной, неприкрытой ненависти. Ненависти деспотичного контролера, у которого внезапно вырвали из рук пульт управления. Но он не позволил себе потерять лицо.

Он презрительно, коротко усмехнулся. Привычным жестом поправил манжеты своего безупречного светлого поло, стряхивая с них невидимую пыль. Подошел к чемодану, лег-

ко подхватил его за выдвижную ручку. На мгновение он задержался на пороге, бросив на меня последний, уничтожающий взгляд.

- Выглядишь отвратительно, - бросил он, словно выплюнул косточку. - Позвони, когда закончится еда.

Пластиковые колесики чемодана глухо стукнули о порог, перекатываясь на кафель лестничной клетки. Слава не оглянулся. Он шел к лифту ровной, уверенной походкой хозяина жизни, у которого есть запасной, заранее оплаченный и обставленный аэродром.

Моя левая рука толкнула дверь. Металл ударился о коробку с глухим, тяжелым звуком, отсекая его фигуру от моего мира. Связка ключей уехала вместе с ним, но мне она была не нужна. Я дотянулась левой рукой до внутреннего поворотника замка - массивного стального барашка - и провернула его на два оборота. Щелк. Щелк. Механизм поставил финальную, железную точку в моем тридцатилетнем браке.

Я стояла в коридоре, прижимаясь лбом к прохладной поверхности шпона.

В ту же секунду адреналин, который держал меня на ногах последние двадцать минут, рухнул, как подкошенный. Тяжелая, густая химия вчерашнего транквилизатора снова затопила вены, превращая мышцы в жидкую вату. Боль в обожженной правой ладони вспыхнула с новой, яростной силой, прострелив до самого предплечья. Я медленно, не в силах сопротивляться гравитации, скользнула спиной по гладкой

двери и осела прямо на пол прихожей.

Тишина в квартире стала поистине оглушительной. Она давила на барабанные перепонки, заползала в уши, парализовала волю. Мой идеальный, вылизанный дом, обставленный дорогой итальянской мебелью, мгновенно превратился в просторную, роскошную гробницу для одного человека. В воздухе всё еще отчетливо пахло свежесваренным кофе и мужским парфюмом, смешанным с отвратительной, горькой гарью, намертво въевшейся в мои волосы.

Я сидела на холодном полу, подтянув колени к груди, и смотрела на пустую вешалку, где еще вчера висела его куртка.

Слава был абсолютно, дьявольски прав в своих расчетах. У меня действительно не было ничего, кроме этих бетонных стен. Я собственноручно выгнала человека, который оплачивал мою жизнь и решал все проблемы. Я потеряла единственную дочь, променявшую правду на комфортную иллюзию безопасности за отцовской спиной. Я стала изгоем в городе, где репутация строится на умении вовремя улыбаться нужным людям. Мой банковский счет был смехотворен, а впереди маячили долгие, мучительные недели перевязок и невозможности даже нормально застегнуть пуговицы на рубашке.

Я сделала глубокий, судорожный вдох. Воздух больно царапнул горло.

Мой взгляд бесцельно скользнул по коридору, прошел че-

рез открытую дверь гостиной и уперся в огромное панорамное окно.

Солнце за двойным стеклопакетом было тусклым, больным. Небо над Углекаменском всё еще укрывала плотная, сизая пелена. Ночной ветер унес верховой огонь обратно в тайгу, спасая город и дачные поселки, но стихия оставила после себя страшный, душливый след. На подоконнике с уличной стороны лежал толстый слой серого, жирного пепла.

Пепел.

Мой мозг, только что лишивший меня семьи и привычного уклада жизни, внезапно совершил резкий, болезненный кульбит. Логика, натренированная годами работы с физическими величинами, выдала пугающе простую и абсолютно беспощадную цепочку фактов.

Если этот липкий, тяжелый пепел покрыл весь город и осел на каждом подоконнике, значит, он выпал и в низине. Значит, он осел на зеркало старого затопленного карьера на окраине Углекаменска. А карьер - это замкнутая экосистема. У него нет сильного проточного течения, способного быстро смыть эту липкую грязь.

Я замерла. Сердце ударилось о ребра тяжело и гулко.

Вода на рыбной ферме "Черный Ключ" прямо сейчас покрывается плотной, маслянистой серой коркой. Пепел стремительно выжигает кислород. Он забивает жабры. Мои форели и огромные, неповоротливые осетры, которых мы с Тарасом так бережно кормили из рук последние месяцы, прямо

сейчас поднимаются к поверхности. Они открывают рты, пытаясь глотнуть воздуха, но глотают лишь отравленную, мертвую сажу. Они задыхаются в этой черной воде точно так же, как задыхалась я в своем идеальном, стерильном браке.

Тарас там один. У него старая, тяжелая шахтерская травма спины, он физически не сможет в одиночку вычистить огромные садки и запустить резервную систему аэрации, если фильтры уже забиты лесной гарью. А старый Броня, как любой человек старой закалки, столкнувшись с катастрофой, просто впадет в панику.

Сидеть на полу и упиваться собственной смелостью или жалеть себя было непозволительной роскошью. У меня не было времени на долгие женские рефлексии под бокал вина, как это любят показывать в мелодрамах про разведенных жен. У меня не было времени оплакивать рухнувший брак.

Я оперлась здоровой левой рукой о гладкую стену коридора. Стиснув зубы так, что явственно скрипнула эмаль, я заставила свои ватные, непослушные ноги выпрямиться. Боль в обожженной правой ладони полыхнула раскаленным огнем, но теперь эта боль не парализовала - она была топливом.

Глава 14. Звонящая тишина

Оказалось, что застегнуть тугую металлическую молнию на плотной дорожной сумке одной

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.